

2190151

Кр.

ВИКТОР ГЫШКОВ.

„БЫЛОЕ“

„ГУБЕРНАТОР“

КОМЕДИЯ В 4-х ДЕЙСТВИЯХ.

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГДСКАГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ВОЛОГДА 1922 г.

20

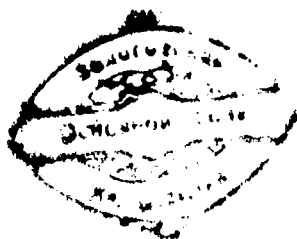
ВИКТОР РЫШКОВ.

„БЫЛОЕ“

(„Губернатор“).

Комедия в 4-х действиях.

Издание
Вологодского Областного Отделению
Государственного Издательства
Вологда 1922 г.

190151.

28

Типография Профтехической школы Политех. Производ.

Р. В. Ц. (Волоски) 398

Тираж 3000 экз.

„Былое“

(„Губернатор“).

Комедия в 4-х действиях

Виктора РЫШКОВА.

Л И Ц А:

Вирязев, Александр Петрович, губернатор.

Леля, его дочь.

mademoiselle Амц, ее компаньонка.

Удальцов, Павел Кириллович, полицеймейстер.

Удальцова, Аграфена Ниловаа, его жена.

Грешинцев, Герман Романович, жандармский полковник.

Решев, Алексей Николаевич, чиновник при губернаторе.

Хохрев, Степан Никитич, богатый купец.

Хохрев, Михаил Степанович, его сын, чиновник при губернаторе.

Спечинская, Екатерина Алексеевна, начальница гимназии.

Кипарисов, Василий Ильич, священник.

Цуккер, Владимир Маркович, купец.

Граф Стебницкий, вице-губернатор.

Арсений, лакей губернатора.

Моргун, вестовой губернатора, городской.

Гимназист старшого возраста.

Рябов. доктор.

Экономка и две горничные у Вирязева.

Лакей на пикнике.

Полицейские чины разных степеней.

Гости, солдаты-музыканты и прислуга на пикнике и просители и гости у губернатора.

Действие в губернском городе на Волге, перед войной.

Между первым и вторым действиями проходит неделя, между вторым и третьим один день и между третьим и четвертым три дня.

К сведению артистов и режиссера.

Вирязев. 63 лет. Всячески молодится: подвивает подстриженные седые волосы на голове и седоватые усы, бороду носит только на подбородке и брест щeki. Носит элегантные летние костюмы и обувь и цветные галстуки. В первом и во втором действиях — в форме губернатора (гражданской).

Деля. 18 лет. Костюмы простые, но изящные, по типу английских.

Ами. 26 лет. Всегда одета красиво, но умалчивено без особого фразированья, о котором мечтает, но с которым временно приуждена расстаться.

Удальцов. 50 лет. Во всех действиях (будто и сын в нем) в полной форме полицеймейстера со всеми орденами, в лакированных сапогах со шпорами и с шапкой на портупее. Платье и все — с иголочки. Усы, небольшие баки и седоватые волосы, подстриженные „ежом“.

Удальцова. Лет 45. Одета дорого, но безвкусно. Не была красивой и в молодости.

Грешинщев. Лет 35. Форма жандармского полковника. Одет всегда франтом: сапоги лакированные, со шпорами. Жгучий бронет. Густые черные волосы причесаны гладко, с пробором. Длинные холщевые усы, щeki, подбородок тщательно выбригты. Держится независимо, чувствуя свою силу и власть, сознавая сколько для он может сделать всякому.

Ромьев. 25 лет. В первом действии — в черном виц-мундире, с черным бархатным воротником и золотыми пуговицами, в остальном — один в тот-же, летний костюм.

Хохлаев — отец. 65 лет. Красивый, благообразный старик, с седыми выюющимися волосами, без пролешины, и с длинной белой бородой. Опрятное русское платье и высокие сапоги. Волжский миллионер, старообразец.

Хо х р е в-сын. 23 лет. Молодой красивый купеческий сынок, окончивший 2 класса гимназии. Старается наружным видом походить на франтов губернского „большого“ света.

Сп е ч и н с к а я. 50 лет. Краенная, с легкой проседью; всегда в темном платье и с гладкой прической. В лице нечто усталое и скорбно-затаенное.

К и п а р и с о в. 60 лет. Седой слепой переи. Законоучитель в гимназиях. Одет часто и парадно, в шелковую рясу. Длинные волосы тщательно расчесаны. Халика из тех священников, которые раболебствуют перед сильными мира для получения выгод и наград.

Ц у к к е р. 50 лет. Состоятельный купец, еврей; одевается чисто. Борода, усы; седоватые волосы не поддаются прическе и торчат на голове кошкой.

Г р а ф С т е б л и д к и й. 32 лет. Блондин, сильно лысый; усы львиного цвета; остальное на лице—выбрито. Костюмы, очень тщательно обдуманные и на все остальные части костюма — на ботинки, галстуки, шляпы—обращено усиленное внимание; изредка в глаза заглядывает монокль. Походка старчески-расхлябанная.

Р я б о в. 45 лет. Грузный, значительно опустившийся в провинции интеллигент. Выход на выписке—в мешковатом черном сюртуке и форменной фуражке.

Г и м н а з и с т. 18 лет. В гимназическом мундире, застегнутом на все пуговицы; в единственном выходе красная и черная, с прической, несколько испорченной испариной.

А р с е н и й. Лакей губернатора. Ночтенный человек 50 лет; в баках и с гладкой, тщательной прической. Всегда во фраке и в белом галстуке. Держится самостоятельно, почти важно.

М о р г у н. Старший в городе городской, именно потому назначенный несменяемым вестовым к губернатору. Человек лет 60; седой, с усами; щеки и подбородок выбриты В форме, с большими медалями на шею и малыми — на груди. Забитый и скромный, внимательный даже с просителями. Привык ходить по губернаторским комнатам без шума, на цыпочках и говорить негромким голосом.

Э к о н о м к а. Пожилая серьезная женщина без улыбки. Одето чисто и очень прилично.

Г о р и н ч и н ы е Вириэва. Две. Молодые. Обе франтовато и обратно одетые; на прическах белые наколки.

Л а к е й на пиякнике. Человек средних лет, с ухватками ресторанный слуга. Во фраке не первой свежести.

П р о с и а т е л и. (1 действе). Восьмь человек. Желательно разнообразие в возрасте, костюме, сословии. Можно: барыню, купца, чиновника, крестьянина, монахиню, журналиста, антрепренера, истравишка.

Полицейские чины (2 действие). Пристав, надзиратели, городовой, исправник, становой, урядники. Все молодеватые и унитанные. Одеты франтами; в лакированных сапогах. Все внимание всех сосредоточено на особе губернатора.

Гости на пикнике (2 действие) и гости у губернатора (4-е действие) самые разнообразные типы высшего общества среднего губернского города.

Солдаты-музыканты. (2 действие). Военный оркестр серого, захудалого армейского пехотного полка—до войны.

Лакен на пикнике. (2 действие). Люди из клубных и ресторанных официантов, во фраках с чужого плеча и не первой свежести.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Казенная квартира в губернаторском доме. Две комнаты: налево приемная губернатора, направо его кабинет. В приемной — три двери: из прихожей, во внутренние комнаты квартиры и в кабинет; телефонная будка; большое зеркало; стенные часы; диваны и стулья; круглый стол среди комнаты и письменный — для дежурного чиновника — около двери в кабинет. В кабинете две двери: из приемной и в смежную гостиную. Богатая казенная обстановка, дополненная личными мелкими вещами, безделушками и портретами в рамках.

Асто. Одиннадцать часов утра.

Моргуи стоит у двери из прихожей в приемную.

Реньев сидит у письменного стола в приемной и разбирает пакеты и бумаги.

Удальцов сидит по приемной, курит папиросу и, ежеминутно поглядываясь в зеркало, полизывает усы и бороду; левая рука в белой перчатке, и в этой руке — фуражка и рапорт.

Вириазев входит из гостиной боком, с сигарой в руке; в другой его руке — рука Ами. На пороге приосмакаивается и целует в лобок руку Ами. Ами возвращается в гостиную, Вириазев делает ей церемонный жест рукой, закрывает дверь, покуривая, садится к письменному столу и нажимает кнопку звонка на правой стороне стола.

Удальцов (Услылав привычный звонок и взглянув на стенные часы) показывает П — насколько гасит папиросу, опирается у зеркала, откашливается и взходит в кабинет. Останавливается, не доходя двух шагов до письменного стола, и, звякнув шпорами, рапортует). Честь имею доложить вашему пр-ву, что в городе все обстоит благополучно... В тюремном замке на лицо 1458 арестантов, из коих политических семьсот сорок че...

Вирязев. И довольно, друг мой. Довольно... Благополучно, — и слава Богу. Остальное не важно... Садитесь... *(Протягивает руку)*.

Удальцов. *(Подбегая)*. Честь имею кланяться, ваше пр-во... *(После рукопожатия, кладет на стол рапорт и присаживается в кресло)*.

Вирязев. Сейчас у меня дело по-важнее ваших арестантов. И политических. и уголовных..

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. Как вам известно, на днях моя дочурка окончила гимназию.

Удальцов. Так точно.. Имел счастье поздравлять ваше пр-во. И Елену Александровну..

Вирязев. И вот, друг мой, это событие необходимо отметить. Какимнибудь праздником...

Удальцов. Пикником, ваше пр-во?..

Вирязев. Браво!.. Сразу!.. А я гадал, придумывал... Браво, друг мой. Пикником. Именно — пикником.

Удальцов. Погода чудесная, вечера теплые, ночи лунные... На том берегу Волги, ваше пр-во? У родничка?..

Вирязев. У родничка... Именно... Местность очень живописная...

Удальцов. Местность единственная, ваше пр-во... В сущности — маленький клочек земли. Но перед глазами Волга, и, как на ладоши, словно вся наша матушка Русь...

Вирязев. Прекрасно... Место установлено... А в какой день и обо всем остальном переговорите сейчас с м-ше Ами... Не надо откладывать. Пока не изменилась погода.

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. А... а материальную часть пикника проведите сами.

Удальцов. Обычным порядком, ваше пр-во?

Вирязев. И-да.. По бышим примерам. Только на этот раз, как говорится, — по первому разряду. Это событие надо отметить подобающим образом... Вообще, друг мой, теперь ее надо развлекать, Лелю. И вы помогите мне... На-днях ей во-

смуладать асть.. Женихов в этом городнике у нее, конечно нет. И быть не может. И необходимо, чтобы она была чем,нибудь занята. И не скучала.. Н-иу-с, и сегодня я нас больше не задерживаю..

Удальцов *ажикаивает*.

Вириязев. Очень занят.. (*Указывая на грудку бумаги, на столе*). Конечно—„бумажки“... Но, за каждой бумажкой стоит живой человек. И ждет своей участи.. (*Протягивает руку*). До свиданья, друг мой..

Удальцов. (*При рукопожатии*). Честь имею кланяться, ваше пр-во.. (*Зажав шпорками دست, в приемной*)..

Вириязев. Да! Кто из них дежурный?

Удальцов. Репьев, ваше пр-во.

Вириязев. (*С легкой grimасой*). Ре-пьев?...

Удальцов. Так точно, ваше пр-во.

Вириязев. Не нравится мне этот юноша.. „Студент“! И сразу видно, что в школе на голове был синий околыш. А не наша верная трехуголка. Не лицейст. Не праед!..

Удальцов. Всегда видно, ваше пр-во.. Сразу. Всегда..

Вириязев. „Студент“!.. О, сколько горя приняла наша многострадальная Русь от этих „студентов“...

Удальцов. Истрадалась, ваше пр-во! Зловредный народ. Непокойный..

Вириязев. Скажите-же этому зловредному, чтобы он подал мне почту..

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во.. (*Уходит в приемную*).

Вириязев, *покуривая, подписывает бумаги, не читая их*.

Удальцов. (*Репьеву*). Его пр-во приказали подать почту.

Репьев. „Просил“, полковник, а не „приказали“... (*Собирает письма и постранишек вкладит в ящик*).

Удальцов. (*Ему вслед*). Мне приказали. А вам как угодно.. (*Неодобрительно покачивает головой*).

Спечинская, Киварисов и другие посетители, выходя за это время из прихожей в приемную и записавшись у Репьева, сидят, в ожидании приема, на диванах и стульях: одни молчат, другие разговаривают вполголоса.

Удальцов, поздоровавшись с некоторыми за руку и живнув тем, кто при его появлении, спешно вскочил на ноги, послал Моргуна во внутренние комнаты доложить Ами и, когда Моргун вернулся и распахнул перед ним дверь, ушел тихо.

Репьев. Здравствуйте, ваше пр-во.

Вириазев. Здравствуйте... Почта?

Репьев. Да.

Вириазев. Петербургской много?

Репьев. Десять пакетов.

Вириазев. Я очень занят сегодня. Оставьте только петербургские. Остальные вскройте и передайте в Правление и в Канцелярию. Потом — мне доложат.

Репьев *обтирает и кладет на стол маленькую часть из общей кучи принесенных пакетов.*

Вириазев. Затем... Я вызвал на сегодня начальницу гимназии. И священника Кипарисова.

Репьев. Они здесь.

Вириазев. Пустьте не в очередь. Сейчас.

Репьев. Кого просить раньше?

Вириазев. *(Взглянув на Репьева не то с сожалением, не то с легким презрением).* Хотя он и священник, раньше, конечно, — даму...

Репьев *выходит в приемную, приглашает Спечинскую к губернатору, разговаривая с нею опоздало, доводит ее до двери в кабинет, садится к столу и разбирает почту.*

Спечинская. *(Входит в кабинет).* Здравствуйте, Александр Петрович...

Вириазев. *(Встает и целует ее руку).* Мос почтение, Екатерина Алексеевна... Прощу вас. Прощу... *(Указывая на свою сестру).* Вы разрешаете?

Спечинская. Пожалуйста.

Вириазев. Мерси... Я так рад, что вижу вас... Паки и паки, хочу поблагодарить вас за доброе отношение к моей сиротке... Семь лет она пробыла под вашим теплым, материнским крылышком...

Спечинская. Леля такая милая девушка, что не доброе отношение к ней было-бы просто—преступлением... Не одна я,—все любили ее в гимназии.

Вирязев. Мерси, друг мой, мерси!.. Да. И я, и покойная жена—вы знали ее!—мы всегда думали о том, чтобы сделать из нее милую... *S'est le mot*... именно „милую“ девушку. Но... волею судьбы, жена не дождалась... И, если-бы Господь не сожалелся надо мной, не послал мне в помощь такую удивительную воспитательницу, как *m-me* Ами, не знаю... Я не знаю, как бы я справился с этим трудным делом...

Спечинская, *целиком не отвечая, выдерживает несколько пауз*.

Вирязев. А теперь, дорогая Екатерина Алексеевна, у меня к вам большая просьба... Вы имеете такое влияние на мою дочь. Уговорите ее. Зачем...зачем эти „курсы“?. Нельзя же всем и весь век учиться? Ведь у женщин есть другое, свое назначение. И особенно—у женщины нашего круга... Уговорите ее, ради Бога!..

Спечинская. Александр Петрович. До сих пор нам не приходилось говорить на эту тему. И только этим я могу объяснить, что с подобной просьбой вы обращаетесь ко мне. Сама я училась до тридцати лет. И я не могу уговаривать Лелю остановиться на гимназическом образовании. Тем более, что с нею я уже говорила по этому поводу очень много. И—в совершенно обратном направлении...

Вирязев. *(После милой паузы—голодно)*. Жаль... Очень жаль, что не нахожу в вас поддержки... Жаль!.. Связанный службой, я не могу ехать с дочерью в Петербург. И, конечно, не решусь отпустить ее одну...

Спечинская. *(Главы в упор на Вирязева)*. А с *m-me* Ами? Вы говорите, она удивительная воспитательница...

Вирязев. *(Выдерживая взгляд Спечинской)*. Да... Если дочь будет настаивать, придется отправить ее именно с *m-me* Ами... *(Малая пауза)* я боюсь за дочь... Вам, конечно, известно, какой большой процент курсисток из девиц, окончивших вашу гимназию, попадает в списки департамента полиции?..

Спечинская. *(Спокойно)*. Да мне известно.

Вирязев. Полковник Грешинцев уже не раз обращал мое внимание на это обстоятельство...

Спечинская. *(Так-же)*. И мое...

Визарев. *(Вставая)*. Простите, что я побезноковал вас...

Спечинская. *(Вставая)*. Раз дело касается Лели, я всегда к вашим услугам... Поцелуйте ее за меня. До свиданья...

Вирязев. Мое почтение... *(Приветует и пожимает, но не целует руку. И не провожает Спечинскую)*.

Спечинская *выходит в приемную, говорит вполголоса несколько слов Репьеву и, на ходу кинув салют зинкомом, уходит в прихожую.*

Репьев *приглашает к губернатору Кипарисова.*

Кипарисов. *поправляя волосы и откашляваясь, входит в кабинет.*

Вирязев. *(Встает и подводит нов. благословение)*.
Здравствуйте, отец Василий.

Кипарисов. Мое глубочайшее почтение, ваше пр-во. Как изволите поживать? Как драгоценное здоровье ваше?

Вирязев. *(Спокойно и пришедшая сестра Кипарисова)*. Вашими молитвами, батюшка.

Кипарисов. Рад служить, ваше пр-во. Счастлив... И польщен, что изволили вспомнить о смиренном перее... Что изволите приказать?

Вирязев. Не приказывать хочу, Василий Ильич, просить... Дело есть. Интимное. Семейное...

Кипарисов. Наша область. Неотъемлемая. Врученная нам самим Господом Богом. Слушаю, ваше пр-во...

Вирязев. Вы, батюшка, законоучитель и духовный отец моей дочери...

Кипарисов. Имею это счастье. Имею... А по сему — светлый ум и чистая душа Елены Александровны мне открыты. И ведомы...

Вирязев. Быть может, вы уже слышали и о том, что она намерена поступить на высшие курсы?

Кипарисов. Слышал, ваше пр-во. И простите—не одобряю...

Вириязев. Да?.. Ну, я так рад, что именно в вас нашел единомышленника.

Кипарисов. Не одобряю... На подобный шаг своевременно не благословил и собственную дочь... Мало того. Желая ей добра, поставил и многочисленные препоны. До лишения материальных средств включительно... Ваше пр-во! Нормальный жизненный путь девицы предугазан ей самим Господом Богом. Всякой девицы. А тем паче дочери вельможи...

Вириязев. Ясно! Ясно, отец Василий. Ясно!.. И вот, в этом моя просьба. Вразумите и ее. Как свою дочь...

Кипарисов. Долгом почту, ваше пр-во. Поговорю. Обязательно. И—доказательно...

Вириязев. А я буду вам очень, очень благодарен... И о ней думаю, и, каюсь,— о себе... Бросить сейчас службу я не могу. На кого я оставляю губернию? На кого?!

Кипарисов. Храни вас Бог, ваше пр-во! Вся губерния почтет себя неутешной вдовицей. И восплачет!..

Вириязев. Пустить девочку одну?

Кипарисов. Молода... Очень молода, ваше пр-во. Молода и неопытна...

Вириязев. Отправить с матею Ами?..

Кипарисов. (*Киривура*). Конечно, она особа достойная, интеллигентная... Однако-же - не мать. Не сродственница. Все-таки, они, так сказать, персона насмная...

Вириязев. Притом и сама она так молода!..

Кипарисов. В этом главная суть, ваше пр-во... А в столице толпа. В толпе же и соблазн, и зараза... Будьте совершенно покойны, ваше пр-во. Погэворю. И, с Божьей помощью, думаю, поговорю успешно. Думаю...

Вириязев. Очень меня обяжете, отец Василий... (*Маша ирири*). А что ваш „владыко“? По-прежнему, обижает вас?

Кипарисов. Обижает... Злобствует... Пред святой насхой снова лишился очередной награды. А за что? Гэведомо!..

Вирязев. Это мы вернем. Щепну кой-кому. И мы поставим вашу награду „на очередь“ к Рождеству...

Кипарисов. Порадуйте престарелого перся, ваше пр-во. Очень порадуете...

Вирязев. И получите... Или по ведомству императрицы Марии, или по-тюремному... Нет! В этом ему со мной воевать трудно. В его пухленькой ручке одно ведомство, а в наших твердых руках, в сущности, все... Вы мне только напомните во-время. И попадете в наши списочки... И с моей особой пометочкой...

Кипарисов. Слушаю-с... слушаю-с.. *(Встает).* И от всей души благодарю ваше пр-во. *(Кланяясь).* Желаю здравствовать.

Вирязев. *(Привстает и, пожавая Кипарисову руку).* Будьте здоровы, отец Василий. Спасибо... До свиданья... *(Сидит и прикидывается за пакеты с петербургской почтой).*

Кипарисов. *Выходит в приемную и, накрываясь в прихожей, кланяется направо и налево.*

Удальцов *входит в приемную из внутренних комнат и сталкивается с Кипарисовым.*

Кипарисов. *(Удальцову вполголоса и подмигивая).* А ты, на ходу, между службой, и к Амнишке забегаетшь?..

Удальцов. А тебе завидно?.. Да, брат, бабеч.. Неслиб она была компаньонкой не у его пр-ва...

Кипарисов. *(Подмигивая).* У дочери его пр-ва...

Удальцов. То-то... У дочери... Отбил-бы.. Клянусь честью, отбил-бы.. А сейчас я заходил по делу... На-днях сооружаем пикник. По первому рязряду...

Кипарисов *(Поглаживая бороду).* Тэк... Стало быть, защитит наше именитое купечество?..

Удальцов. Пищи—не пищи, а заготовляй.. Жаль, батя, пикник будет на воздусях. На народе... И тебе быть „не-вместно“.

Кипарисов. А жалеешь перся, так пришли ему елей бутылочку-другую на дом.. *(Смеется и продолжая разговор, уходит в прихожую).*

Вириазев вскрыв за это время два пакета петербургской почты и равнодушно пробежав извлеченные из них бумаги, вскрывает третий. Эту бумагу читает внимательно и исторожившись. С досадой бросает ее на стол; но, немедленно схватив опять, читает вторично. Задумывается и, после малой паузы, нажимает кнопку звонка на правой стороне стола.

Репьев вводит в кабинет.

Вириазев. Народу много?

Репьев. Восемь человек. Теперь пускать по очереди?

Вириазев. Никого не пускать! Ни по очереди, ни без очереди... Скажите, что сегодня приема не будет. Завтра... А сейчас позвоните к этому... к Цуккеру. Скажите ему, чтобы приехал. Немедленно. И, когда придет, доложите... А больше—никого.

Репьев. (Выходит в приемную). Господа. Губернатор извиняется. Сегодня он очень занят и не может вас принять. Просит пожаловать завтра... (Входит в телефонную будку и говорит по телефону. Выходит, садится к столу и разбирает бумаги).

Просители уходят в прихожую, молча, без единого протеста: некоторые торопливо, другие—медленно и задумчиво.

Вириазев, пробежав еще раз с позволяющую его бумагу, встает и, нервничая, ходит по кабинету. Нажимает кнопку звонка на левом конце стола.

Арсений. (Входит из гостиной). Изволили звонить ваше пр-во?

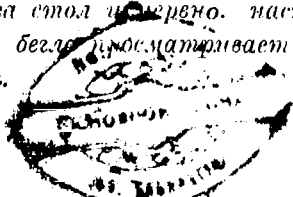
Вириазев. Полцеймейстер еще здесь?

Арсений. Сейчас уехали.

Вириазев. Попроси госпожу Ами. Скажи, чтобы пришла.. составить список гостей. На пикник... О котором ей говорил сейчас полцеймейстер...

Арсений. Слушаю, ваше пр-во. (Уходит в гостиную).

Вириазев садится за стол и, нервно, наскоро вскрывая пакеты столичной почты, бегло просматривает бумаги, делая на них короткие пометки.

1907/5/1

Ами. *(Выходит из гостиной и затворяет за собою дверь).*
Пикник?..

Вириязев. Ах, *снèре amie!* Какой—пикник!.. Это для Арсения—пикник... *(Показывая бумагой).* Вы посмотрите!.. Посмотрите что я получил! Двадцать пять тысяч. *(Счастливо).* Аеро-деньги!.. Дьяблы!..

Ами *подходит к нему и, бурно швыряя ему ртом, представляет любовь.*

Вириязев. *(Ищет ее любовь).* Милая!.. Так досадно... Опять все отдаляется, отдаляется...

Ами. Успокойтесь, Саша. Вам вредно волноваться... Читайте. В чем дело?

Вириязев. *(Хватает бумагу и читает с раздражением)* „Доверительно. Совершенно секретно. В собственные руки... На отношение ваше от 12 мая за №... имею честь уведомить ваше пр-во, что еврей Вульф Мордухович Цуккер не может жить в пределах управляемой вами губернии... С совершенным почтением и преданностью“... чорт бы его побрал! директор департамента полиции... Vous comprenez?.. Ты понимаешь? Не может жить... Дьяблы!.. Не!..

Ами. Не волнуйтесь. Вредно... Покажите бумагу...

Вириязев. Да что-же тут?! Черным по белому!.. *(Передает ей бумагу).*

Ами. *(Принимает бумагу).* Дайте мне карандаш...

Вириязев. Карандаш?.. Зачем?

Ами. Чтобы не было черного. И осталось одно белое...

Вириязев. *(Передавая карандаш).* Не понимаю...

Ами. *(Сделав на бумаге маленькую пометку карандашом, возвращает бумагу Вириязеву).* Прочтите эту бумагу теперь... Вслух, Саша... Громко...

Вириязев. *(Читает)* „На отношение ваше... *(Бормочет про себя пропуски)* имею честь уведомить ваше пр-во, что еврей Вульф Мордухович Цуккер может жить в пределах управляемой вами губернии“...

Ами. Очень просто!

Вириязев. Что - просто?.. Что же из того, что ты зачеркнула карандашом не?

Ами. Это сделано на-черно. И необходимо сделать на-бело.

Вириязев. Подлог?..

Ами. Его сделаете не вы.

Вириязев. Кто-же?

Ами. *(Пальцем указывает на себя)*. Для этого у меня есть поразительный кристаллик. Заграничный... *(Малая ширма)*. Однако,—к делу... На бумаге написано: „доверительно, совершенно секретно и в собственные руки“... Совершенно секретно доверьте ее в мои собственные руки. На три минуты. Потом покажите ее только заинтересованному лицу. Для учета 25 тысяч. И затем, уже никому не доверяя и соблюдая совершеннейший секрет, оставьте ее в собственных ваших руках. В собственном вашем архиве...

Вириязев. Ами!..

Ами *зажмая ему рот, лобстияляет ладонь.*

Вириязев *целует ладонь.*

Ами. Слушайте! Ами. И тем скорее все ваши планы исполнятся... *(Берет со стола бумагу и уходит в шестипузу).*

Вириязев *сидит некоторое время, глубоко задумавшись и покуривая.*

Хохревы отец и сын—*входят из прихожей в приемную.*

Моргун *входит ил и уходит обратно.*

Хохрев-отец. *(Сыну)*. Он же тебе толком говорит.

Приема нет...

Хохрев-сын. Нет, папаша. А ежели есть протекция,—будет и присем... У вас же тут протекция громадная... *(Гычет себя в грудь)*. Муа!.. Сын служит чиновником особ поручений при губернаторе и клянется святым духом, что губернатор примет отца... Ха! Ловко сказано?.. Вот, дежурный камрад и поспособствует... Бонжур, Алексей Николаич!..

Хохрев-отец. *(Вздоряясь с Репьевым)*. Будьте так добры, господни Репьев...

Репьев. Не могу. Губернатор просил всех завтра.

Хохрев-отец. *(Сын).* Ну? Слышишь?..

Хохрев-сын. Слышу папаша... Только иное дело все, а иное—родитель чиновника особ поручений при губернаторе и коммерсант 1-й гильдии Степан Никитич Хохрев... И ежели камрад поспособствовать не желает, беру ответственность на себя... *(Оглянувшись)*. Где человек с медалями?.. *(Идет в присажку)*.

Ами. *(Входит в кабинет из гостиной, с бумагой, и кладет ее на стол)*. льцешачи!.. *(Быстро уходит в гостиную)*.

Вирязев, взглянув на бумагу и посмотрев ее на свет, берет ее в ящик стола, встает и уходит по кабинету.

Хохрев-сын и Моргун входят в присажку из присажки.

Хохрев-сын. *(Моргуну)*. И доложи его пр-во, что их желает видеть купец 1-ой гильдии Хохрев. По неотложнейшему делу... Понял, полупочтенный?

Моргун. Слушаю, ваше высокоблагородие! *(Подходит к двери в кабинет и тихо и осторожно постукивает в дверь. Потому Вирязев слышит стук не сразу)*.

Хохрев-сын. *(Отцу)*. Слышали, папаша?.. Вы, по-прежнему, только „ваше степенство“. А муа ваше вы, да еще со, да еще ко, да бла, да го, да ро и вод конец едце!..

Хохрев-отец. Михайло! Угомонишь ты хоть в сурьезном месте!..

Хохрев-сын. Важно кушанье!..

Вирязев. *(Отвечая на стук Моргуна)*. Войдите!..

Моргун. *(Войдя в кабинет)*. Купец 1-ой гильдии Хохрев желает видеть ваше пр-во. По самонужнейшему делу...
Вирязев. Я же сказал, чтобы... Впрочем, Хохрева проси.

Моргун. *(Распахнув дверь, Хохреву-отцу)*. Пожалуйста!..

Хохрев-сын. Что?.. Чья взяла?.. Ха!.. *(Провожая отца до двери, вполголоса)*. Все помните, папаша?.. И помощи вам архангел Михаил. Тела моего хранитель и души спаситель.

Хохрев-отец. *(На ходу)*. Отстань, Михайло. Мысли мои путасшь!.. *(Оправляется у двери в кабинет)*.

Хохрев-сын. (*Моргуну, бавая огонь*). Фараон!.. На-ко-ся. Пур-буар. За наше санте..

Моргун *берет огонь и уходит в пригород*.

Хохрев-отец. (*Выйдя в кабинет*). Честь имеем кланяться, ваше пр-во..

Вирязев. (*Протягивая руку*). Здравствуйте, Степан Никитич, здравствуйте. Садитесь.

Хохрев-отец. Извините нас за беспокойство..

Вирязев. Пожалуйста.. Что скажете?

Хохрев-отец. Опять с просьбицей, ваше пр-во.. Наше такое дело просить.. И опять же за сына. За Михайлу.

Вирязев. Друг мой.. Но он уже служит у меня..

Хохрев-отец. Так точно, ваше пр-во. Служит. И за это мы вам вечно благодарны.. А теперича хлопочем насчет.. придворного звания..

Вирязев. (*Изыскал*) Придворного?.. Как придворного?..

Хохрев-отец. Так точно. Просим вашу милость. Представьте Михайлу, чтобы его заделали камыр-юнкырем.. Охота малому. И нам бы со старухой лестно.. Сынок-то единственный..

Вирязев. (*Может быть кое-что собравши, после малой паузы*). Степан Никитич. Ведь двор в Петербурге. И все камер-юнкеры там. При дворе..

Хохрев-отец. Я ему и сам этот резонт приводил, ваше пр-во. Михайле. А он кивает на господина вице-губернатора. Вот-же, говорит—живет тут. И в форму в золоченую наряжается. И в собор. и при других торжествах..

Вирязев. Конечно.. Исключения бывают.. Иногда их отпускают. Послужить в провинции. Но.. ваш Михайло.. Он даже не говорит по французски..

Хохрев-отец. Учится, ваше пр-во. Учитя!.. И с хранцузом учится, и с храндузинкой.. С хранцузом раз в неделю. А с храндузинкой три.. И заметьте, ваше пр-во. При каждом подходящем случае обязательно сболнет слово-другое по хранцузскому. Обязательно!.. Как-же, ваше пр-во. Болтает! И даже слабодно зачинает болтать..

Вириязев. Хорошо... Я подумаю Степан Никитич... То есть напишу кое-кому. В Петербург... Ведь, вы понимаете? Это же зависит не от меня лично. А написать я напишу...

Хохрев-отец. Будьте милостивы, ваше пр-во... Утешьте... Парню 24-ый год пошел, а как ребенок малый... И на что только не кидался... На велосипеде призы брал, на лыжах бегал, на кулачках дрался, весь в синяках ходил от всяких этих состязаний. Петь учился, на фортепьянах брэнчал... А от родительского дела давно отбился... Теперь понел по вашей дороге. По служебной. Так уж надо его по ей вести. И - сколько возможно выше...

Вириязев. Уж конечно... Вести, так вести. Чтобы, в конце концов, он был, как я. Губернатором...

Хохрев-отец. Именно, ваше пр-во. А на счет костюма и всего прочего вы будьте спокойны, ваше пр-во. В грязь лицом не ударим... И, ежели Господь сподобит его заделаться этим самым камырем... Тьфу!.. Вот, и забыл...

Вириязев. Камер-юнкером...

Хохрев-отец. Юнкырем, юнкырем!.. Мы ему и камзол во всех местах золотом раслишем... Хоть себе червонным... И все прочее справим...

Вириязев. Я знаю... Вы для сынка ничего не пожалеете... А?.. Ничего?..

Хохрев-отец. Ничего не пожалеем, ваше пр-во. Ничего!.. И еще просьбишка имеется, ваше пр-во...

Вириязев. Есть—еще?..

Хохрев-отец. Есть. Чтобы, значит, не утруждать вторично...

Вириязев. Слушаю, Степан Никитич. Выкладывайте...

Хохрев-отец. На прошедшей неделе подвернулось нам очень выгодное дельце. Большие барышни мы с него взяли... И появилось у нас, со старухой, желание... Чтобы, значит, на благотворение, на бедноту... Или на тюремные замки... А може и на школы вручить вашему пр-ву... Лично... И на ваше усмотрение... На пользу отечества и общества...

Вириязев. Понимаю. Я понимаю... Извинек от ваших барышей? Так?

Хохрев-отец. Так точно, ваше пр-во. Так точно. Излишек...

Вириязев. Прекрасно. Я передам... Нужда огромная. И в городе, и в губернии.

Хохрев-отец. И притом, очень мы просим, ваше пр-во, чтобы, значит, никакой благодарственной бумажки нам не присылать... И чтобы никаких, как это говорится, следов. Видимости... Потому, как мы есть православные христиане, то желаем творить добро келейно...

Вириязев. Так-так. По Евангелию?.. Чтобы левая рука не знала, что дает правая?

Хохрев-отец. *(Правой рукой переводит пакет в левую и прячет под стол).* Чтоб не знала, ваше пр-во... Чтобы не знала...

Вириязев. *(Принимая пакет и небрежно бросая его на стол).* Похвально... Передам... И устно благодарю вас теперь же от лица нашей бедноты... И от арестантов...

Хохрев-отец. *(Облегченно вздохнув).* Рады служить, ваше пр-во... *(Встает).* И желаем доброго здоровья...

Вириязев. До свидания, Степан Никитич. *(Протягивает руку).* А по вашему делу я напишу сегодня-же. Хотя предупреждаю еще раз. За успех этого дела ручаться я не могу... Но все может быть... Все может быть...

Хохрев-отец. А уж там, конечно, как Господь Бог, ваше пр-во... Во всем его святая воля... Во всем... *(Уходит в приемную).*

Вириязев *сидит за столом и читает письмо.*

Хохрев-отец и сын. *встречившись в приемной, уходят в прихожую, оживленно разговаривая и шепчась.*

Ами. *(Простояв у двери из гостиной).* Деньги?.. Он был уже?..

Вириязев. *(Досчитывая деньги).* Нет!.. Нет!.. Не он... Это другой... Подожди... Сию минуту... *(Обсчитал).* 25!.. Ами!.. Беги скорей. Целуй меня. И забирай эти деньги... Совершенно

неожиданный!.. Забирай... Спрячь... Ну, разве это „вымогательство“?.. Сами несут, идиоты! Сами!..

А ми крепко. несколько раз целует Виризева и берет пакет с деньгами.

Виризева. Сто — уже за границей... Тут 25. 25 привезет сейчас Цуккер... 50... Еще—50, и —будет 200!.. И тогда... Службу к чорту, Лелю — на курсы, а мы... В Швейцарию! В Италию!.. И—в Париж. В Париж!..

А ми. Постой! Постой!.. А за что эти деньги?.. И от кого?

Виризева. От идиотов!.. (Смеется). От идиотов!.. Старик Хохрев приезжал просить, чтобы я „заделал“ его Михайлу „камыр-юнкырем“!.. (Хохочет).

А ми. Что-о?!

Виризева. Да-а!.. Ты представляешь себе Мишкино рыло — в треуголке?.. И в мундире камер-юнкера?!.. А?!. (Смеется). Нет, этот визит я расскажу тебе подробно!.. Ну, вот... А кстати, добрый старик завез „на благотворительность“ 250 портретов матушки-Екатерины...

А ми. Саша... Но устроить это дело—уже невысказано...

Виризева. Я полагаю!.. Здесь царь—я. А там, всетаки, — Николай... И, я думаю, довольно того, что за такие-же 250 портретов и „заделал“ Михайлу „камыр-юнкырем“... При себе?!.. И то, ежеминутно приходится краснеть... О, идиоты, идиоты!.. (Целует А ми). Иди, моя радость... Потом я расскажу. Все. Подробно...

А ми. (Уходясь в гостиницу). Исчезаю... И желаю успеха и дальше... (Скрывается).

Виризева просматривает последние пакеты петербургской почты уже весело.

Цуккер. (Войдя из прихожей в приемную, поворачивает к Рельеву). Здравствуйте, господин Рельев... Вот я себе явился...

Рельев. Здравствуйте... Скажите, господин Цуккер. Вы знаете—зачем вас вызывают?..

Цуккер. Ах, господин Репьев!.. Какой „жид“ знает, зачем вызывает его губернатор?.. Но, может быть, я уже догадываюсь...

Репьев. Догадываетесь?

Цуккер. Ну-да... Я думаю, мне хотят объявить, что я живу много лет в нашем городе, а потому не имею на это права...

Репьев. Почему-же вы думаете, что вас хотят лишить этого права?..

Цуккер. Ну, этого я уже не думаю. Потому что это я уже знаю... Третьего дня я уже имел об этом телеграмму. Из Петербурга. От своего родственника... Он получил уже эту справку...

Репьев. Где?

Цуккер. Ну, где же могут дать такую справку?.. В департаменте полиции...

Репьев. Там дают справки по секретным делам?

Цуккер. Другому я этого не скажу, господин Репьев. Но вас я знаю, и вам я скажу... Дают, если чтонибудь дадут и вы... Мой родственник дал что-нибудь,—и ему тоже дали... Ах, господин Репьев! Всякий торгует тем, что он имеет... Но, Боже мой, Боже мой! Я же теперь совершенно разорен... Но, кому до этого дело, что какой-то Цуккер разорен?.. Никому!.. В мире столько нищих. И одним нищим больше, — что от этого случится?.. Ничего!..

Репьев. Сейчас я скажу о вас.

Цуккер. Да, прошу вас, скажите... Потому что необходимо сказать...

Репьев *стучит в дверь кабинета.*

Вирязев. Войдите...

Репьев. *(Входит).* Господин Цуккер пришел.

Вирязев. Просите... И возьмите эти бумаги. Я пометил... *(Передает Репьеву пакет бумаг петербургской почты).* Одну я оставил у себя. Она мне... Лично...

Репьев. *(Взяв бумаги, выходит в приемную. Цуккеру).* Пройдите... *(Сидит и очень внимательно просматривает по-*

зубенные от Виризева бумаги, спрятавшие во входящем журнале о том, откуда поступила бумага, не возвращенная ему Виризевым).

Цуккер. *(Войдя в кабинет и услужливо кланяясь).* Я имею счастье раскланяться, ваше пр-во...

Виризев. *(Не подывая руки).* Здравствуйте... Ну-с, по-здравляю вас.

Цуккер. Благодарю вас, ваше пр-во... Но я не знаю с чем вы меня поздравляете...

Виризев. Как - с чем?.. *(Берет бумагу и показывает Цуккеру).* Эта бумага секретная. Но вам, как лицу заинтересованному, я обязан ее показать. Читайте... *(Протягивает бумагу, не выходя из рук).*

Цуккер читает с полным изумлением.

Виризев. Прочли?

Цуккер. *(Радостно).* Да, я прочел, ваше пр-во!.. Но, я же ничего не понимаю... Значит, я не разорен?.. Но я же думал себе, что все случится совсем наоборот, ваше пр-во!..

Виризев. Почему? Ведь я вам обещал...

Цуккер. Ну, я же не знаю почему!.. Я себе думаю, из моей трусости. Просто — из моей трусости... Ваше пр-во!.. Разве еврей знает почему, и что, и когда с ним случится?.. *(Достает из кармана билет и робко кладет его на стол).* Он же никогда этого не знает... Он этого не знает сейчас... Не знает завтра... Не знает послезавтра...

Виризев. Нет. Вы можете спать теперь совершенно спокойно...

Цуккер. О!.. Так я побегу заснуть... Ах, ваше пр-во! Я уже так давно не спал совершенно спокойно... Позвольте вам раскланяться, ваше пр-во!.. *(Кланяется).*

Виризев. До свиданья... *(Кланяется головой, не протягивая руки).*

Цуккер. *(Выскакивая в приемную. Репьеву — с буйной радостью).* Я же ничего не понимаю, господин Репьев!.. Все случилось наоборот!.. Как раз наоборот!..

Репьев. То-есть, как наоборот?..

Цуккер. Совсем наоборот, господин Репьев!.. Я имею право жительства в нашем городе!.. И я не разорен!.. Но, скажите-же—что это такое?.. Они торгуют в департаменте полиции как дураки!.. Совсем как дураки!.. Если бы они дали моему родственнику эту справку, мой родственник дал-бы им гораздо больше денег!.. Они торгуют как дураки!.. Как дети!..

Репьев. Вы читали бумагу сами?..

Цуккер. Ну, в том-то и дело, что читал?.. Его перво собственноручно держали бумагу, а я ее собственноручно читал!.. О-о!.. До свиданья, господин Репьев!.. *(Быстро уходит в прихожую)*.

Вирязев. *(Сосчитав деньги, кладет их в боковой карман и приотворяет дверь в приемную, Репьеву)*. Вы свободны. Я иду завтракать... *(Берет бумагу о Цуккере и копирует ее в ящик письменного стола)*.

Ами. *(Входит из гостиной)*. И этот приезд?..

Вирязев. *(Вынимая из кармана пакет и бросая его на стол)*. Вот!.. Этот приезд портретами Великого Петра!.. Новенькими. Чистенькими!.. Выручают августейшие предки!.. Сосчитай и спрячь и эти!.. Ами!.. Сегодня очень, очень счастливый день!.. 50 тысяч в полчаса!..

Ами считает деньги.

Вирязев стоит около нее и смотрит.

Репьев. *собрал бумаги, идет к прихожей*.

Леля. *(Входит из прихожей и останавливается с вил)*. Господин чиновник особых поручений, Алеша! Доложите обо мне губернатору...

Репьев. *(Весело и радостно)*. Госпожа Леля! Прием кончен...

Леля. *(Оглядываясь)*. И никого нет?.. Ни в приемной, ни у губернатора?..

Репьев. Никого...

Леля. Значит, я могу вас поцеловать! Наскоро... *(Целует его)*. А вы—меня.

Репьев. *(Целует ее)*. А теперь мы—друг друга...

Леля. И до свиданья — до вечера, в саду... *(Целуется и крепко пожим друг другу руки, расходятся. Он уходит в прихожую, она — по прямой — к кабинету. Сразу отворяет дверь).* Ваше пр-во!.. Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Разрешите подавать завтрак. Я очень голодна!..

Вириазев и Ами, *сидящие беззаботно на стульях.*
Ами отходит от стула.

Вириазев. Леля!.. Всегда надо поступаться...

Леля. Но Репьев сказал, что у вас никого нет...

Вириазев. Да... Но... На всякий случай...

Леля. *(Шутливо).* Вириазев! Извиняюсь... Боже, сколько у вас денег!..

Вириазев. К сожалению, мой друг, это — на бедных...

Леля. На бедных, и к „сожалению“?.. Не понимаю...

Вириазев *сгребает деньги в ящик письменного стола.*
Занавес быстро опускается.

Конец I-го действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Живописное место на берегу Волги, против губернского города, который виден на другом берегу. Площадка, заросшая травой и окруженная деревьями и кустами. Налево — дорожка на берег Волги; прямо, в глубине сцены, дорожка в лес.

Лето. Первая половина действия вечером, до захода солнца: постепенный переход к сумеркам; конец действия при лунном свете.

На траве и под деревьями расставлены столы, табуретки и скамейки и разостланы ковры. На коврах и на столах — самовары, посуда, бутылки, закуски, фрукты.

Кроме основных действующих лиц, во время действия группами и по-двое, приходят на сцену и уходят закутисы, прогуливаются, садятся, вьют и пьют приглашенные на пикник гости: дамы и девушки, статские и военные молодые и пожилые люди; снимают полицейские чины; изредка, по одному и по-двое, проходят солдаты-музыканты; служат лакеи во фраках.

Когда занавес пошел, за сценой, в необходимом отдалении, чтобы не глушить разговоры, веселая музыка играет кадрили; затем, после перерыва, вальс.

Виразев, Удадьцов и Хохревы-отец и сын
стоят на авансцене.

Полицейские чины разных степеней торчат и сидят в глубине сцены, за кустами и деревьями, и зорко следят за движениями начальства.

Виразев. Пикник удачный... Кажется, всем весело.

Удадьцов. Очень весело, ваше пр-во. Решительно всем...

Виразев. (Прислушиваясь). Это... кадрили?

Удадьцов. Кадриль, ваше пр-во. Началась. Вторая.

Виразев. (Догреву-сыну). А вы, что же не танцуете, молодой человек?

Хохрев-сын. Упрел, ваше пр-во!.. В прошедшей кадрили я такое разделявал,—земля тряслась. Не видели?.. И упрел. Сорочку хоть выжми. Решил передышку сделать. Поэтому—тре фатиге!..

Вириазев. Ну, ну... Отдыхайте. Остывайте. (Удальцову). Пойдем, друг мой... Посмотрим на тех, кто еще не „фатиге“. И—не „упрел“...

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во.. Пожалуйте.. (Двигаются вправо: Вириазев впереди. Удальцов за ним—в полуправую).

Полицейские чины, следя за начальством, тоже двигаются вправо, держась по-прежнему в кулемах и за деревьями.

Гимназист (Ошарашенный и испуганный от танцев, выбежит из за кулис справа облачивая платком лицо, и ничего перед собой не видя, кланяется на Вириазева). Пить!.. Человеки! Ради Бога, пить!... Чегонибудь пить!..

Вириазев пятится назад.

Удальцов бросается к гимназисту и отбрасывая его в слубану сцены в сторону полицейских чинов.

Полицейские чины продолжают вперед, крича-маша гимназиста от Удальцова и слекун его, ничего же собирающегося, в кулемы и за кулисы.

Удальцов. Извините, ваше пр-во! Зтанцевался, юноша...

Вириазев. Очевидно, тоже из „упревших“... (Двигается с Удальцовым и полицейскими чинами дальше).

Рябов входит справа и встречается с Вириазевым и Удальцовым.

Вириазев. А, доктор!.. Спаситель живота нашего.. Здравствуйте... (Приветствует и протягивает руку).

Удальцов и полицейские чины приостанавливаются.

Рябов. Честь имсю кланяться, ваше пр-во!... (Пожимая руку, кланяется низко и подобострастно).

Вириазев. Как живется? Новым местом довольны? (Двигается дальше).

Удальцов и полицейские чины *двигаются за ним.*

Рябов (*Толпе движаясь за Вириземом*). Всю жизнь буду молить Бога за ваше пр-во...

Виризем, Удальцов, Рябов и полицейские чины *сбиваются за удальцами направо.*

Хохрев-сын. Знаете, папаша, за что этот доктор будет всю жизнь молить Бога?

Хохрев-отец. Ну?

Хохрев-сын. За то, что у его пр-ва во время заболел живот! Ха!...

Хохрев-отец. Михайло!.. Не кощунствуй!..

Хохрев-сын. Ей Богу!.. Вылечил. В уезде... Во время ревизии... И за это был перемещен из уездной больницы в губернскую тюрьму... Да, папаша! И всюду протекция.—и больше никаких!.. Скажите примерно, почему вы нонче здесь? На паратном пикнике?.. Прежде вас недопускали. Даже и на миллионы, на ваши, плевали? А теперь—милости просим! Почему?... Протекция завелась. Муа!..

Хохрев-отец. Деньги. Михайло... Деньги—все...

Хохрев-сын. А то-ли еще будет, когда я буду камерюнкером? Ха!... в тех-то штанах в белых я вас и во дворец проведу. Антре!..

Хохрев-отец. А ну, его дворец! Чего я там не видал...

Хохрев-сын. Именно то и увидите, чего не видывали... А ежели еще и со свадьбой мое дело выгорит...

Хохрев-отец. Со свадьбой дело без свахи не выгорит! Немысленно такое дело без свахи... А кого пошлешь? Напу, простецкую, в такой сурьезный дом не направишь. Осрамится. И нас осрамит...

Хохрев-сын. (*После паузы—внезапно*). Труве!...

Хохрев-отец. (*Неруливая*). Эка труба пароходная!... Чего ты?...

Хохрев-сын. Нашел!... Сваху нашел!... Внезапно!... Ей-же-ей, —нашел!...

Хохрев-отец. Нашел?... Кого такую?

Хохрев-сын. Самую подходящую!.. И к ним прибилась, и от нас не ушла. И богу свечка, и чорту коцерга.. Слушайте!.. Сию минуточку я ее приволоку. Сюда. И теперь чтобы—а ля минут—готово!.. Будет откладывать. А то дождемся, что какойнибудь хахаль вырвет невесту из под самого носа.

Хохрев-отец. Да кто, сваха-то?..

Хохрев-сын. Кто?.. Ха!.. Удальчиха! Аграфена Филовна...

Хохрев-отец. Это правильно.. Это знаешь, дама подходящая..

Хохрев-сын. Сан-дут!.. И я говорю:—наполовину дама, наполовину баба. В рыбной лавке родилась, а за молочником замужем. Да еще за полицеймистером!..

Хохрев-отец. А к тому же и нам, Хохревым, хотя издали, а сродни...

Хохрев-сын. Ха-ха! Этакая мысль самому Наполеону не сразу влетит в башку... Ай, да я!.. Эта мадам-баба обстригает наше дело ком-пль-фо... Сидите тут, папаша. Я ее в минуточку предоставляю... Она на тазцы глазеет... *(Убегает направо)*. А вы прикажите подать винца. И приготовьтесь—как и что говорить. Чтобы покороче. А то помещают эти... Которые не тащущие... *(Скрывается)*.

Хохрев-отец. *(Стучит по столу)*. Эй!.. Кто есть? Услужайший!..

Лакей *побежаст*.

Хохрев-отец. Дай-ка. мил человек, бутылочку винца. И три чистых стаканчика.

Лакей. Какого прикажете, Степан Никитич?

Хохрев-отец. А которое, знаешь, понежнее. Послабже. Чтобы—дамское... Икемчику. Или Сатерну.

Лакей. Слушаю-с, Степан Никитич... *(Убегает за кулисы, приносит на подносе бутылку и три стакана, ставит на стол и, покосив Хохреву ярлык на бутылке, быстро откупоривает бутылку и убегает)*.

Хохревы-сын и Удальцова *входят с правой стороны*.

Хохрев-сын. Сюда, тетенька... пожалуйста, сюда...

Удальцова. Лестно мне, племянничек, что ты меня тетенькой величаешь. Только никогда этого не бывало. И не понимаю я—в чем тут секрет?..

Хохрев-сын. А мне, тетенька, папаша припомнил... Будто вы нам, Хохревым, сродни...

Удальцова. Это вы, миллионщики, чванитесь. А я никогда и не отказывалась. Точно. Сродни...

Хохрев-сын. Так, вот, и присядьте. Около панаши... Же ву при... *(Наливая вино)*. Как водится, дело начиная, хлопьятнем винца по стаканчику и... И прислушайтесь—какое вам панаша предпишет поручение...

Удальцова *сидится* и все трое *пьют вино—молча, медленно и до дна*.

Хохрев-сын. И знайте, тетенька! Ежели вы это поручение успешно обварганите,—какие бы у вас расходы ни случились, возместим. Все... А вам лично я такие серьги—и с такими бриллиантицами поднесу... Уши оттянут!.. Ха!..

Удальцова. Наобещал много. А натрепал и того больше. А в чем самое дело, я пока не знаю...

Хохрев-сын. Потому что я, тетенька, в волнении... Но панаша в спокойном состоянии. И теперь слушайте, что он продекламирует...

Удальцова. Слушаю...

Хохрев-отец. Дело простое, Аграфена Нидовца. Житейское... Задумал Михайло жениться...

Хохрев-сын. Потому—влюблен. Амуре!..

Хохрев-отец. Только избранная им девица не по купечеству. И вот, мы не знаем—как к этому делу подойти... В каком месте, понимаете, свои обычай...

Удальцова. Значит, милые, вы меня в свахи приглашаете?..

Хохрев-сын. Угадали, тетенька!.. Компри а ля минют... Первым делом, объявите ей от меня, что я влюблен. Амуре!..

Удальцова. *(Хохреву-отцу)*. А от вас, Степан Никитич?..

Хо хрев-отец. А от меня, Аграфена Ниловна, заявите, что в день свадьбы будет ей предоставлен в собственность как говорится на булавки—один миллион рублей. Наличными... Остальные-же, все, которые в нашем владении, и вообще все наше движимое и недвижимое после смертного часа—ему. Михайле. И—ишим деткам... Сын единственный. Сами знаете...

Удальцова. Знаю. Это я знаю... И теперь желаю знать милые, в каком доме я все это должна говорить...

Хо хрев-отец. Дом сурьезный, Аграфена Ниловна...

Хо хрев-сын. Да тетенька!.. Дом—очень ком-иль-фо!..

Удальцова. Ну, а по русски как это будет?

Хо хрев-сын. Гу-бер-на-торский!..

Удальцова. Гу-бер-наторский?.. Дочке?..

Хо хрев-сын. Эва, тетенька!.. Не Амишке-же!.. ха!..

Хо хрев-отец. *(После малой паузы)*. Что, Аграфена Ниловна? Думаега, случится поворот от ворот?

Удальцова. Нет, Степан Никитич. Этого я не думаю... Такого дома я еще не видывала, чтобы в него миллионов не приняли... Разве уж блаженные какие... Нет, этого не думаю... Потому будем говорить на прямки... Без миллионов ваш Михайло одного стоит. А с миллионами, ему цена—другая...

Хо хрев-сын. Правильно, тетенька! Правильно!.. С миллионами да с протекцией я кем задумаю, тем и заделаюсь. Архиереем пожелаю быть, буду и архиереем... Митру—на голову. И все дамы меня в белу ручку чмок да чмок. Безе-за-безой!..

Хо хрев-отец. Михайло!.. Не кощунствуй!..

Хо хрев-сын. *(Отцу)*. Важно кушанье!.. *(Удальцовой)*. И, стаа-быть, тетенька, беретесь за эту дипломатию?

Удальцова. Возьмусь... Мне и в этом доме двери открыты...

Хо хрев-отец. И как же вы полагаете, Аграфена Ниловна? Разговор поведете с самим? С губернатором?.. Доступен. Ежели от дела деньгами пахнет, очень он доступен.

Удальцова. Нет, милые. Подряд сдали, так уж не учите с какого угла кирпичи класть... Сама знаю, с кого это дело начинать...

Хохрев-сын. И нам не скажете?

Удальцова. Пока ничего больше не скажу, милые... А делать начну нынче же... Вот, муж идет. Перво-на-перво с ним поговорю. А вы идите, прогуляйтесь. Чтоб не мешать...

Хохрев-сын. Ну-ну, тетенька!.. Ха! И люблю я этак. Сразу. Штурмом!.. Пойдемте, папаша... *(Уходя налево)*. А уж серьги вам будут... На плечах повиснут... А блеск—фонари. Электрические... Огонь!.. фе!.. *(Жрываются сын и отец)*.

Удальцов. *(Появляясь справа)*. Человек!..

Лакей *вбегает*.

Удальцов. Шампанского. Сухого. *(Подходит к Удальцовой)*. Даже в горле пересохло. Едва оторвался от своего паши... Н-да!.. Для всех пикник—праздник, а для меня и тут, и вечно—служба. Гляди в оба. Как пес на охоте. И через слово — „так точно, ваше пр-во!“.. Надоело! Ах,—надоело... А попробуй уйди в отставку. Завтра же скучно станет. Так станет скучно, что и не заметишь, как помрешь раньше времени...

Лакей *приносит вино, ставит на стол и уходит*.

Удальцов. *(Пьет первый стакан жадно, залпом, и наливают второй. Жест)*. А ты, что ж тут сидишь одна? Сичом...

Удальцова. Постарела, видно... Хотя и полицеймейстерна, а ни одна собака даже и на кадрело не приглашает. Вот,—и сижу...

Удальцов. Хочешь прикажу плясать приставу. Или надзирателю...

Удальцова. Да от тебя, кроме надсмешки, разве услышишь что...

Все танцующие *(Леля с гр. Стеблицким, Ани с Грешинцевым)*, кончая шестую фигуру кадрили и держась за руки, быстро выбегают на сцену, справа, и, обжав сцену, скрываются опять направо—в кусты.

Удальцова. Павел Кириллович. Не слышал-ли ты, часом... Губернаторская дочка влюблена в кого, или нет?

Удальцов. *(Шопивая вино)*. А тебе это зачем?..

Удальцова. Один человек просил узнать...

Удальцов. А пусть этот человек сам и спросит. И не меня, а—ее. Тогда узнает наверняка... А мне она любовных тайн не поверяла.. Не по моему департаменту..

Удальцова. А как думаешь пойдёт она за очень богатою человека?

Удальцов. Да ты что, матушка!.. В свахи записалась, что-ли?

Удальцова. А хотя-бы и так...

Удальцов. *(После милой паузы)*. Вы, Аграфена Ниловна, как были всегда душой, так душой и к старости остались...

Удальцова. Сам дурак. А не дурак объясни, что тут такого глупого?.. Ты со мной тоже познакомился через сваху...

Удальцов. Я и говорю—дура!.. Я! С тобой!.. Ты дочь рыбного торговца. А она...

Удальцова. Не „торговца“, а купца. Купца первой гильдии...

Удальцов. Который, все-таки, „торговал“ рыбой!..

Удальцова. И все, что он наторговал, ты про-свистал!..

Удальцов. Да! А потом „насвистал“ вдвое больше... А она—дочь губернатора... И замолчи об этой ерунде... Амишка идет... С жандармом... *(Пробуждают разговор вполголоса)*.

Ами и Грешищев *входят под руку с правой стороны и приостанавливаются на аван-сцене, ожидая от Удальцовых*.

Ами. *(Обмолвившись вслух)*. Больше не подходи сегодня...

Грешищев. Хорошо...

Ами. Все события последних дней я тебе передала... О Цуккере, о камер-юнкере, о Репьеве... Все... Деньги—и те, и другие—у меня. Репьева, повторяю, надо убрать немедленно. Он ее очень сбивает. Особенно—с курсами... И это будет легко. Саша-паша не выносит его и сам... И—будь здоров, милый. До свиданья... Пойдем к ним... *(Подвигаются к Удальцовым)*. Я очень устала, полковник. Посажу тут... А вы идите. Танцуйте. Я не мешаю...

Грешищев. *(Поклонившись)*. С вашего разрешения, ваше превосходительство. *(Уходит направо)*.

У дальцов. *(Вскочивая и цетупная место)*. Пожадуйста... я горло промочил и бегу опять к его пр-ву... *(Уходит направо)*.

У дальцова. *(Али)* Присаживайтесь, мадамзель, присаживайтесь...

А ми. Мерси, Агафья Ниловна. Да, посижу с вами... Устала...

У дальцова. А я и рада, что таким случаем вы со мной на одну скамеечку попали. Потому, как раз, у меня к вам дело имеется...

А ми. Ко мне?.. Дело?.. Я такой маленький человек, Агафья Ниловна...

У дальцова. Э, мадамзель! Бывает, и маленькие люди большие дела делают... Дело. Большое дело... И, ежели вы его устроите, хорошие деньги на нем заработаете...

А ми. *(Насторожившись)*. Деньги?.. Хорошие деньги?.. Теперь уж я ничего не понимаю... Ведь я ничем не торгую. За скромное жалованье жила сначала гувернанткой, теперь—компаньонкой... Но, каюсь, вы меня заинтересовали. Какое дело?..

У дальцова. А будемте-ка говорить на прямки... Как вы думаете?.. Дочка губернатора пошла-бы замуж за молодого и красивого человека? Который в нее влюблен. При том, единственный сын у родителей... У них же, у родителей, три дома в городе и два имения в уезде. Да миллион шесть денег. И в делах, и наличными. Из которых один миллион—ей. На руки. В день свадьбы.

А ми. *(После малой паузы)*. Он—купец?

У дальцова. Из купцов они. Только сам жених уже и чиновник.

А ми. Так... Агафья Ниловна. Повидимому, это дело очень серьезное. И надо поговорить подробно... *(Вставая)*. Танцы сейчас кончаются. Придут сюда. И нам помешают. Пойдемте, походим по берегу. Там и поговорим...

У дальцова. Это вы правильно, мадамзель. Там свободнее... *(Входит)*. Пойдемте...

Ами и Удадьцова, взявшись под руки, торопливо уходят влево.

Сумерки сгущаются. В глубине сцены, кое-где, лампы зажигают свечи в фонарях и в садовых подсвечниках. На противоположном берегу Волги, в городе, в окнах домов, на улицах и на пристанях постепенно зажигаются огоньки. Музыка — вальс — смолкает, и с правой стороны, группами и по двое, входят дамы, девицы, военные и статские мужчины: прогуливаются, рассаживаются на коврах и к столам, пьют, едят: некоторые идут гулять за кулисы: налево — на берег Волги — и в глубину сцены — в лес.

Вириазев и Грешицев входят, разговаривая, справа, и садятся к столу.

Полицейские чины и Удадьцов показываются в глубине сцены, справа, и следя за движениями губернатора, как только он ест, останавливаются в различных местах, за кустами и деревьями.

Удадьцов стоит ближе другим к аван-сцене, разговаривая то с одним, то с другим из гостей, но тоже все время следит за губернатором.

Грешицев. Особенно неудобно, что он чиновник при вашем пр-ве...

Вириазев. (Встревожен). Конечно!.. Конечно!.. Друг мой... Я вам очень благодарен, что вы сказали.

Грешицев. Считал это долгом службы, ваше пр-во. Притом, я не желаю неприятностей и лично вам...

Вириазев. Мерси, друг мой. Мерси... И вы уже имеете определенное предписание?

Грешицев. Нет. Мне было только предложено проследить... Я предложил начальнику почтово-телеграфного округа передавать мне письма. На первое время — адресованные ему. Правда, пока я не встретил ничего определенно уличающего...

Вириазев. Да...

Грешицев. Но и по этим письмам ясно, что служить, и тем более — у губернатора он, конечно, не должен...

Ви́рязев. Да?..

Грешищев. Безусловно... Одно из писем я даже препроводил в Петербург. И этот корреспондент будет, конечно, арестован...

Ви́рязев. Да-а?.. В чем-же дело?..

Грешищев. Он передает Репьеву столичные слухи. Об интимной жизни их величеств. И в таком тоне и в таких выражениях, которые определенно караются по 102 и 104 статье.

Ви́рязев. Ну, да!.. Такому типу, конечно, при мне не место!..

Грешищев. И мне кажется, ваше пр-во, лучше расстаться с ним немедленно. Пока ничего не стряслось.

Ви́рязев. Конечно!.. Конечно!..

Грешищев. Мало-ли под каким предлогом вы можете его удалить... А когда вы уволите его со службы, удалить его из города мне будет и совсем легко...

Ви́рязев. А виновата Екатерина Алексеевна!..

Грешищев. Начальница?

Ви́рязев. Да. Спечинская... Он, сирота... Сын ее подруги. Какой-го курсистки...

Грешищев. И притом незаконный!..

Ви́рязев. Да-а?.. Вот, видите!.. На свой счет она воспитала его в здешней гимназии. Потом—в университете. В Петербурге...

Грешищев. Я знаю...

Ви́рязев. И, когда он его кончил... в прошлом году... Она упросила меня взять его на службу... Взял. И—видите!.. Да ведь, в сущности, и сама—она... Этот департаментский процент курсисток из девиц, окончивших ее гимназию...

Грешищев. Об этом я неоднократно говорил вашему пр-ву...

Ви́рязев. Не примите меры. Герман Романович. Меры!.. Пусть ее уберут от нас... Пусть переведут... Напишите в департамент, и я вас поддержу...

Грешищев. Написать должны вы: ваше пр-во...

Ви́рязев. Я?..

Грешинцев. Конечно. А после того, на запрос департамента, буду отвечать уже я.

Вирязев. Напишу!.. Я напишу... Помню! Даже мою собственную дочь она толкает на этот разврат... На эти „курсы“!..

Грешинцев. Неужели Елена Александровна хочет..

Вирязев. Конечно—пустяки!.. Молодость... Петербург. столица... Собираются туда две-три подруги. Вот,—и она... Но, ясно,—я не пущу!.. Прекратимте. Она идет... *(Продолжают разговор вполголоса).*

Леля и гр. Стебницкий *входят сзади.*

Стебницкий. Скучно!..

Леля. Мерси!..

Стебницкий. Елена Александровна!.. Я говорю вообще тут скучно. Сравнительно со столицей. Все это так убого, так мелко.

Леля. А я думаю, граф, вам скучно прежде всего потому, что вы сами—скучный!.. На днях я перечитывала „Портрет“ Алексея Толстого. И, когда прочла:

„Читатель мой, скажи, ты был ли молда?“

„Не всякому известен сей недуг“..

„Не многие у нас рождаются наги,“

„Большая часть—в мундире и при шпаге“,—

тут мелькнули мне—вы... Право! Мне всегда кажется, что вы никогда не были ребенком... Что даже на руках у кормилицы вы сидели в маленькой трехуголочке, в лицейском мундирчике и с малюсенькой шпаженкой... Что и ребенком вы были лысенский!..

Стебницкий. Елена Александровна!.. За одно мое невинное—„скучно“,—и целый град насмешек... Пошадите!..

Леля. Вы говорите: здесь скучно... Но, неужели, там, в столице, когда вас соберется много таких—чистеньких, лысенских, молоденьких старичков—неужели вам бывает весело?... Впрочем, если вам весело, потому что вы смеетесь, глядя друг на друга,—я понимаю...

А ми *показывается слева.*

Стебницкий. *(Увидя ее)*. Слава Богу, идет ваша гурнернантка... Я ей пожелаю и убою от вас...

Ами. *(Несколько возбужденная и взволнованная, быстро идет прямо к Леле, не коса взглянув на Вириазева и Грешнищеву)*. Леля! А я иду вас... Давно... Я думала вы пошли с нами на Волгу...

Леля. Нет. После кадрили с графом, мы никак не можем расстаться... Нам так весело! Ему со мной, а мне с ним... И сынаем друг другу комплименты. Он мне. А я ему...

Стебницкий. Да! Елена Александровна сынала мне такие комплименты, что—еще два-три. и мне пришлось-бы вызвать губернатора на дуэль...

Ами. Кстати, пока вы не убили его на дуэли, надо его спросить—уезжаем мы. или остаемся?..

Леля. Нет, нет! Я не уеду... Будет фойерверк. Солдаты будут петь. А я страшно люблю настоящую, простую, русскую песню. И особенно хоровую... А вам, граф, и при этой песне, должно быть, — «скучно»?..

Стебницкий, Леля и Ами *подготавливают к Вириазеву и Грешнищеву*.

Грешнищев *встает и отступает к аван-сцене*.

Вириазев. *(Теле)*. Друг мой. Я собираюсь домой.

Ами. А Леля хочет остаться.

Вириазев. Хочешь?.. Оставайся... Я так рад, что тебе весело... *(Говорят вполголоса)*.

Грешнищев. *(Вполголоса Ами)*. Сделано. Он его удалит...

Ами. *(Так-же)*. У меня неожиданная новость... Большие денежные перспективы... Иди в лес. И жди...

Грешнищев *отходит и скрывается в глубине сцены, в лесу*.

Стебницкий *прощается с Лелей, Ами и Вириазевым*.

Вириазев. Вы уезжаете, граф?

Стебницкий. Да...

Вириазев. Я напрашиваюсь в ваш экипаж.

Стебницкий. Очень рад, ваше пр-во...

Вириазев. Мои дамы остаются. И свой я оставляю им...

Вириазев и Стебницкий *уходят направо.*

Удальцов *внезапно отбегает от того, с кем разговаривал в эту минуту, и идет за Вириазевым.*

Полицейские чины *двигаются направо, за кустами и деревьями, и скрываются за кустами одновременно с Вириазевым.*

А ми. *(Внезапно обнимая Леля).* Леля! Милая!.. Что я вам расскажу!.. *(Смеется).*

Леля. Веселое? Рассказывайте скорей.. Люблю веселое!..

А ми. Нет, вы не можете себе и представить!.. *(Пошевеливая пальцы).* Хотите быть миллионершей?..

Леля. Хочу!.. А кто их подарит? Миллионы?

А ми. Ваш будущий муж..

Леля. Ого!.. Это действительно, весело.. И сколько? Миллионов?..

А ми. Шесть. И три дома. Да два имения..

Леля. Значит старик?

А ми. Напротив.. Молодой. красивый.. Чисто русский тип.. Из купцов. Но—чиновник..

Леля. И он влюблен?

А ми. Влюблен..

Леля. Вот, так история!.. Я, конечно, не влюблена. Не правда-ли? Иначе, я знала-бы—кто он.. Но я влюблюсь.. Раз—шесть миллионов, я заставлю себя влюбиться.. Теперь говорите главное. Кто этот рыцарь?..

А ми. Чиновник особых поручений Хохрев.

Леля. Ой!.. Какая я несчастная.. *(Кожерная французские слова).* Сет-ахрё!.. Я такая малерё!.. *(Подумав, пошевеливая пальцы).* А ми! Честное слово, вы не шутите?..

А ми. Честное слово!.. Сейчас его сваха через меня сделала вам предложение..

Леля. И—сваха?.. Как у Островского.. Вот—весело!.. А ми. Милая. Я вас умоляю!.. Устройте так, чтобы он сделал мне предложение не через сваху, а сам. Лично. Ради Бога!..

А ми. *(Не понимая).* И вы согласны?..

Леля. Ну, да. Вести переговоры... Интересно! Еще никто, никогда не делал мне предложения. Никто!.. И если только вы меня любите, вы это устроите... Да? Устроите?..

Ами. Папá рассердится, если узнает...

Леля. А зачем ему знать?.. Я буду знать, и вы... И жених. Да сваха... А кто — сваха?..

Ами. Это секрет...

Леля. И — не надо. Не добиваюсь... Только, ради Бога, устройте, чтобы он сам...

Ами. Вы хотите его выщутить?..

Леля. *(Небольшо подозрительно взглянув на Ами)*. Нет! Как можно?.. Вы говорите — он влюблен. А это такое святое чувство... Вообще, я много подумаю об этом. И посоветуюсь... С вами... И — кто знает? Все может быть... Но, во всяком случае, я хочу с ним поговорить... Сейчас — нельзя? Он здесь. Я его видела...

Ами. Нет... Он уже уехал... *(Не понимая Лелю, шаркаясь и соображая кое-что)*. Побудьте тут... С кемнибудь... А я отыщу сваху. И узнаю еще кой-какие подробности. Но главное — скажу ей, чтобы он явился к вам лично...

Леля. Да, да!.. Вот, идет Екатерина Алексеевна. Я побуду с нею... *(Идет на встречу Спечинской)*.

Ами. Хорошо... *(Быстро уходит в глубину сцены, в лев. куда ушел Грешищев)*.

Спечинская и Репьев входят справа.

Спечинская. До свиданья, Леля. Я еду домой...

Леля. Уже?! Посидите немного со мной... Чуть-чуть... Пожалуйста!..

Спечинская. *(Садится)*. Чуть-чуть посижу... *(Целует Лелю)*.

Леля. Правда — тут сегодня весело?

Спечинская. Нет, Леля. Скучно.

Леля. Вам было скучно?..

Спечинская. Скучно, милая... И именно об этом мы говорили сейчас с Алешей... Тебе конечно, весело. Потому что ты ничего не знаешь...

Леля. *(Насторожившись)*. Чего я не знаю?.. О чем вы говорили?..

Спечинская. Но должна узнать все. Пера... И я уверена, когда ты узнаешь даже кое-что, ты убежишь отсюда, уже не раздумывая... Сейчас — хотя-бы на курсы. А после — видно будет... Но сюда ты уже не вернешься. Никогда...

Леля. Я ничего не понимаю... Ради Бога, — что случилось?..

Спечинская. Это не „случилось“, Леля. Все это происходит давно. И ежедневно... Это течет, как вода в реке. Вечно... И все это знают. Но ты — дочь губернатора. Здесьнего царя. И тебе, до сих пор, никто ничего не говорил. Одни боялись говорить. Другие жалели тебя. — ребенка... Но теперь ты взрослая. Ты — человек. И дальше скрывать от тебя все — уже грех... Мы и решили с Алешей больше не скрывать... *(Встает)*. Теперь я, все-таки, уеду. А его спроси, для начала, хотя бы о том — почему и мне, и ему было тут скучно... До свиданья, милая... *(Идет к Леле)*. А захочешь, чтобы многое рассказала тебе и я — заезжай ко мне...

Леля. *(Обнимая Спечинскую)*. Да... да... Я хочу... Очень... Спасибо... Я приеду... Можно завтра?

Спечинская. Прекрасно. В котором часу?

Леля. В семь можно?

Спечинская. Можно... *(Репьеву)*. Приезжай в это время и ты...

Репьев. Непременно...

Спечинская. *(Щелкает Леле и Репьеву)*. Не провожайте. Тут со мной, четыре моих гимназистки... *(Уходит направо)*.

Голоса. *(Из разных мест)*. Фейерверк!.. Сейчас фейерверк!.. Идите на Волгу!.. Фейерверк!..

Гости, солдаты, лакеи *бегут налево — ни Волгу — из глубины сцены, из леса, и через сцену — справа налево*. Через мгновение сцена свободна. Туман светит уже во-всю.

Леля. *(Подходит решительно к Репьеву)*. Алеша. В чем дело?..

Репьев. *(Берет ее за руку)*. Детка моя!.. Напугали мы тебя, птичку веселую... Ничего... Это — необходимо... неизбежно...

но... Сядем... На мою долю выпало счастье открыть тебе глаза. Тебе предстоит прочесть сложную, многотомную книгу. Книгу жизни... И мы прочтем ее тебе. Я и тетя Катя... А сейчас я прочту тебе только одну страничку. Кстати. Наглядно... Слушай... Ты говоришь, сегодня тебе тут весело... Да. Фейерверк, музыка, танцы, солдатские песни... Вина, фрукты,— пир горой! И на вид всем весело. Все пьют, танцуют, празднуют, А тебе особенно радостно и весело. Этот пир твой отец устроил для тебя. И в твою честь. Ты окончила гимназию... Так этот пикинг представляется тебе. Но взгляни на это дело—как оно есть... А это дело невинное, сравнительно с теми делами, что творятся вокруг тебя ежечасно... Ах! Весь этот пир не стоит твоему отцу ни копейки...

Леля. Как так?! Как ни копейки?..

Репьев. Вина, фрукты, закуски, кушцы доставили сюда даром. С ведома губернатора. И по приказанию его первейшего холопа — полицеймейстера...

Леля. *(Сильно волнуясь)*. Алеша! Это безусловно правда?..

Репьев. Ни слова лжи во всем, что я говорю. Как и было в моих словах и до сих пор... На этот фейерверк истрачено казенное добро. И готовили его и пускают люди, оплаченные казной... Солдаты—сто человек, развлекая нас всю ночь, играют танцы и поют песни. И тоже—даром. Им приказал полковой командир. Он в дружбе с губернатором, и рука моет руку. Сегодня я тебе, завтра—ты мне... Но, подумай! Разве солдат, оторванный от семьи, от земли, от своего дела и заработка, шел на это? Разве в этом—„воинская повинность“? В этом—защита отечества?!

Леля. Какой ужас!..

Репьев. Какая подлость!.. И все эти обобранные кушцы и обманутые солдаты, этот русский народ, прекрасно понимая эту подлость, подчиняются силе и бесчестной власти. И все они проклинают и губернатора—твоего отца, и тебя, его дочь... Ради твоего развлечения, одних он грабит, других заставляет работать даром. Будто своих рабов... *(Милии шу-*

за). Вот — только одна случайная страничка книги... И вот, почему тете Кате, и мне, и еще очень многим тут не весело, а скучно. И стыдно. Стыдно, Леся!..

Леся. Алеша!.. Но ты сам?.. Зная все это, и ты служишь?.. Алеша!..

Репьев. Когда надо спасти ближнего, на мгновение, человек бросается в тину, в болото, в грязь... У меня не было иного выхода. Я люблю тебя. И я бросился за тобою в то болото, в которое тебя, без вины виноватую, закинула судьба. Тебя, тебя, мое сокровище!.. Но, не бойся. Я пришел в болотных сапогах и в плотных перчатках. Ико мне никакая грязь не прилипнет... Леся! Я дал себе слово переносить всю эту муку, пока вырву тебя отсюда и увезу. Увезу совсем в другой мир, к другим людям... Пока ты была ребенком и кончала гимназию, ни я, ни тетя Катя не могли, не смели нарушать мир твоей чистой и ясной, детской души. Но теперь — от тебя зависит как можно скорее спасти и себя, и меня... Улетим, моя ласточка! Я умоляю тебя — уедем отсюда!..

Леся, молча, склоняется на его плечо и плачет тихо, только слезами!

Репьев. (Гладит ее по голове и целует в голову). Юнона, родная... Ты будешь плакать не долго... Когда, чуткая и чистая, ты уйдешь из этого болота и ни душой, ни телом не будешь виновата в том, что здесь творится, так ясно останется на твоей душе... И ты запоешь опять... Запоешь так радостно и весело, как никогда не певала тут!..

Ами быстро входит из глубины сцены, из леса. Увидя Лелю и Репьева, сразу останавливается. Подумав мгновение и оглянувшись во все стороны, слабо кашляет и идет ни шагу.

Репьев встает и отходит от Лели.

Леся. Оставьте нас, Алексей Николаевич...

Репьев уходит направо.

Ами. Леся... Он вас оскорбил? Обидел?..

Леся. Нет.

А м и. В таком случае, я ничего не понимаю... Что-же это значит?.. Вы - дочь губернатора, и он...

Л е л я. *(Выпрямляясь)*. м-мне Ами!.. Гувернантку приглашал для меня отец. Но об условиях с компаньонкой я буду говорить сама. И вы еще не знаете условий, при которых я намерена терпеть компаньонку.

А м и. *(Растерянно)*. Вы хотели посмотреть фейерверк... Послушать песни...

Л е л я. Раздумала. Такого фейерверка, таких песен мне не надо! Поедьте домой. *(Уходит направо)*.

Взлетает первая ракета. Саянский гор зажигает:

„Вниз да по матушке, да по Волге“. *пост и под это пение, завязав медленно опускается.*

Конец 2-го действия.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Широкая терраса, выступающая в цветник и в тенистый старый сад при губернаторском доме. Вдали, прямо за садом и его оградой, открывается вид на нижнюю береговую часть города, на Волгу и на ее противоположный берег. С боков вековые дубы и липы. Среди террасы обеденный стол, по углам и вдоль перил изящная и разнообразная садовая мебель:—кресла и столики. На одном из них: ваза с фруктами, тарелки, ножи, сифон с сельтерской водой и стаканы. В цветнике, около террасы, чудные столы и скамейки, комнатные растения в кадках и цветы в клумбах.

Лунный свет, а на террасе и около нее, в цветнике, яркий свет от электрических ламп и садовых подсвечников. Вдали огоньки: на улицах, в домах, на пристанях и за Волгой.

Лето. Девять часов вечера.

Вирязев и Ами сидят на террасе за маленьким столиком. Она ест фрукты, он пьет сельтерскую воду.

Вирязев. Дьябль!.. Это невероятно осложняет положение..

Ами. Да. И для меня это был неожиданный сюрприз..

Вирязев. Еще вчера я думал, что он мой чиновник, и только. Что я дуну, и он полетит со службы. Потом дунет Грешидцев,—и он улетит из пределов губернии. И делу конец. А теперь..

Ами. Теперь это сложнее..

Вирязев. Чуть-ли не зять! Не угодно-ли?.. Но, неужели она его любит?

Ами. Если-бы не любила, разве она позволила-бы ему целовать? Обнимать?.. Не из таковских..

Вирязев. Дьябль!.. И я даже не могу спросить ее..

Ами. Можешь, конечно. Но малейший намек на вчерашнее выдаст меня с головой. Ведь я теперь не гувернантка, а компаньонка. Я должна молчать..

Вирязев. Я о том и говорю: Конфликт с тобой..

Ами. Несомненно. И более острый, чем вчера, на прошле...

Вирязев. Вот, положение!.. Что наговорил, проклятый социалист!.. А благодаря этим урокам английского языка, они будут видаться каждый вечер и дальше..

Ами. Этого мало. Каждый вечер, через полчаса после урока и после его ухода, она идет гулять в сад. Одна..

Вирязев. Почему одна?!

Ами. Говорит, что в это время, на ночь, любит гулять именно одна, Любит „мечтать“!.. И раньше эти прогулки казались мне подозрительными. Но, после вчерашнего открытия, ясно, что „мечтают“ они.. вдвоем..

Вирязев. Почему-же ты не проследила?

Ами. Допустим, я-бы даже выследила... Что дальше? То-же, что и сейчас...

Вирязев. Безобразия!.. Девчонка и мальчишка, и ставят меня в такое положение, что у меня связаны руки. У меня!.. Дьяблы!.. Нет. Я держу в этих руках целую губернию. И не им, молокососам, бороться со мной.

Ами. Саша! Губернию ты держишь в руках при помощи шльков и нагаек. А с этими „молокососами“ приходится бороться совсем другими средствами. И это гораздо труднее..

Вирязев. Значит, я должен буду согласиться и на ее брак с этим подзаборником? А если он пожелает, и на их „гражданский брак“? Так?!

Ами. Можно ждать всего..

Вирязев. Ну, нет!.. Я возьмусь за него немедленно..

Ами. Это необходимо... Чем дальше она будет под его влиянием и под влиянием госпожи Спечинской..

Вирязев. Она! Она виновата во всем!..

Ами. А Леля и сейчас у нее. И, быть может, там-же и он. И Бог знает, чему они ее поучают...

Вирязев. Дьяблы!.. Она всучила мне его на службу. Она-же выдумала эти проклятые уроки английского языка!.. Сводня!.. Вон из моей губернии. И его, и ее.. Вон!.. В 24 часа!..

А ми. Да... А если-бы не этот нелепый роман. пожалуй, она вышла-бы за Ходрева...

Ви рязев. Никогда-бы она не пошла за этого хама!

А ми. У этого хама десять миллионов... Вы не знаете женщин, Саша. Хам позолоченный для них не хам...

Ви рязев. Не для всех... Не для всех!..

А ми. Для всех, Саша. Для всех... И могли-бы уехать в Париж немедленно... (Пицц). Хотя. я не понимаю... Почему ждать непременно, пока ты накопишь двести тысяч? Право, и сто пятьдесят хорошие деньги. Плюс—твоя пенсия. Или сенаторское жалование... Наконец, сто тысяч лично моих...

Ви рязев. О. нет... Эти деньги я подарил тебе не для того, чтобы проживать их вместе. Это лично твои деньги. На случай несчастья...

А ми. Но проценты...

Ви рязев. Пусть нарастают... Ах, мне только отделаться от этого господина! Но теперь я возьмусь за них круто...

А ми. Только помните, Саша... Я—в стороне... И, если твоя дочь оскорбит меня еще раз, я должна буду уехать немедленно.

Ви рязев. Одна? От меня? Куда?..

А ми. В Париж... Буду ждать тебя там. И, если ты меня любишь, ты сумеешь дивульгировать тут дела и присхать ко мне.

Ви рязев. Если!.. Ам!.. Неужели, это еще не доказано?.. (Таскова пожимает ее руку на столе). И неужели ты можешь бросить меня одного?

А ми. Я не собираюсь бросать тебя. Но, если меня к этому вынудят, что мне останется?.. Судя по тому, как она говорила со мною вчера, завтра она просто объявит, что не нуждается в компаньонке. И basta!..

Ви рязев. Этого... этого я не позволю!..

А ми. Ты опять забываешь, что для нее ты не губерна-тор. Как ты „не позволишь?“ Объявишь и ей, и всем, что оста-вляешь меня своей компаньонкой?.. Да?

Вириазев. Дьяблы!.. *(Встает и берет фуражку и пальто)*. Не могу... Я должен все это обдумать. И чтонибудь решить... Пойду пройтись. Четверть часа. А ты позвони пожалуйста, к Грешищеву. Скажи, что я прошу его приехать. *(Смотрит на часы)*. Через полчаса... Это надо кончить разом. Доезжай!

Арсений. *(Входит на террасу из дома)*. Ваше пр-во. Вас желает видеть Аграфена Ниловна.

Вириазев. *(Удивленно)*. Полицеймейстерша?..

Арсений. Так точно.

Вириазев. *(Пожимая плечами)*. Проси...

Арсений *уходит в дом*.

Ами. Неужели и к тебе свахой?..

Вириазев. Не думаю... Впрочем, хамка и дура. И можно ждать всего...

Ами. Я убегу, чтобы она не засиделась...

Вириазев. Да, да!.. И позвони Грешищеву...

Ами бежит по ступенькам террасы в цветник и скрывается в темной глушине сада.

Удальцова. *(Входит на террасу из дома в шляпке и в верхней накидке)*. Мое почтение, ваше пр-во!.. *(Сидится)*. А приятная погода нынче. И не жарко, и не холодно...

Вириазев. Да. Прохладно... Гуляя, и заглянули к вам?.. Жалко, дочери нет дома...

Удальцова. Нет, ваше пр-во. Я к вам по делу...

Вириазев. По делу?.. Желаете пройти в кабинет?

Удальцова. А зачем в кабинет? Ведь и тут никто не подслушает?

Вириазев. Никто. Будьте покойны... В чем-же ваше дело?

Удальцова. Не мое, ваше пр-во. Ваше.

Вириазев. Мое?..

Удальцова. Ваше... За пять лет вы получили от меня по векселям, двести двадцать восемь тысяч. Правильно?..

Вириазев. В точности я сейчас не помню. Но, раз вы говорите, конечно правильно...

Удальцова. Правильно. Правильно... Я только что под- считала.. И, как вам известно, деньги эти не мои. Сродствен- ника моего. Купца Пухова.

Виряев. Да... я знаю...

Удальцова. Мои, которые мне были дадены в прида- ное, мой благоверный алистакрат протер... Все. До грошика... Так вот, ваше пр-во. Пухов требует свои деньги обратно.

Виряев. Обратно?.. Все?.. И сразу?..

Удальцова. Вот, именно ваше пр-во... Пять лет гово- рит, я только давал. И не требовал. Ни денег, ни процентов. Потому они мне были ни к чему. А теперь, говорит, понадо- бились. И очень... И, как все векселя писаны до первого тре- бования, он и требует..

Виряев. *(После малой паузы)*. Как-же так, Аграфена Ниловна? Сразу. Все. И даже — без предупреждения...

Удальцова. Как можно без предупреждения, ваше пр-во? Это бы — не по божески.. Нет. Предупреждает. За три месяца... Три месяца от сего числа, говорит, жду. А после, говорит, и дня не могу ждать. Потому, говорит, у меня платежи срочные... *(Пауза)*. Ну, вот, я и сказала. Свое дело и сделала... *(Пауза)*. А три месяца срок большой, ваше пр-во. Извернуться можно... *(Пауза)*. Правда, ваше пр-во? Можно?..

Виряев. Конечно.. В три месяца, я думаю, я справ- люсь...

Удальцова. Справитесь, ваше пр-во! Как-же в три ме- сяца не справитесь? С таким-то пустяками?.. И мне будет приятно. Через месяц Пухов давал деньги, через месяц их и об- ратно получит. Честно и благородно... Ну, и бланки на вексе- лях все-таки мои-же... *(Пауза)*. Так я ему завтра и скажу, Пу- хову. Как, мол, требуешь, так и получишь. Все и с процента- ми... *(Встает)*. И будьте здоровы, ваше пр-во...

Виряев. *(Встает)*. До свиданья, Аграфена Ниловна...

Удальцова. Люблю я это дело закончить. И скоро, и благополучно...

Виряев. Кланяюсь Павлу Кирилъчу.

Удальцова. Ай, нет! Не буду ему кланяться, ваше пр-во. Будто я у вас и не была... Он же о нашем деле не знает..

Вириязев. Правда. Я и забыл..

Удальцова. Ну, как-же!.. Как мы с вами порешили при первом векселе, чтобы он ничего не знал, так и по сегодня не знает. Ничего!

Вириязев. И прекрасно..

Удальцова. *(Заливается).* А вот, что еще, ваше пр-во.. Говорила-же вам чтонибудь ваша мадамзель?

Вириязев. О чем. Аграфена Ниловна?

Удальцова. Насчет нашего вчерашнего разговора?

Вириязев. Нет.. Ничего не говорила..

Удальцова. Не говорила?.. Чего-ж это она?.. Не может-же она сама этакое дело взрешить.. Спрячьте ее, ваше пр-во. Пуццай скажет.. Дело можно сказать, даже очень стоящее..

Вириязев. Хорошо.. Если вы не хотите сказать сами, спрячу ее..

Удальцова. Не то, чтобы я не хотела, я.. пуццай лучше она.. *(Малая пуцца).* А я только вот что скажу, ваше пр-во.. С этим делом не в три месяца можно-бы управиться, а в один.. До поста.. И тогда с тем-то делом, с Пуховским и вовсе бы легко сладить.. *(Срину, торопливо).* Разрешите пройти через сад?.. В камитку?.. Я и в шляпке, и в манте..

Вириязев. Пожалуйста. Я вас провожу.. Хочу пройтись. На бульвар..

Удальцова. И чудесно!.. Погода очень приятная. И не холодно, и не жарко.. *(Спускается по ступенькам террасы в цветник и скрывается в темной глубине сада).*

Ами. *(После малой паузы, выходя на террасу из двери).* Ушла.. Иди.. *(Сходит по ступенькам в цветник).*

Грешинцев *выходит из дома на террасу и идет за Ами.*

Ами. *(Сидит на скамейке у террасы в цветнике).* Посидим тут. Здесь так хорошо... А ему скажем, что ты пришел раньше моего звонка..

Грешинцев. (Садится рядом с Ами). Да... Кстати, у меня есть и дело... Ну?..

Ами. Ну,—после вчерашней выходки, она может занять мне такую сцену... после которой я должна буду уехать уже немедленно.

Грешинцев. Возможно.

Ами. И потому завтра же доставь мне агентский заграничный паспорт и билет. На всякий случай...

Грешинцев. Непременно.

Ами. Пусть лежат. Наготове... Уеду прямо в Швейцарию. И буду ждать тебя там... Сто тысяч пани и сто пятьдесят твоих ждут нас за границей... Последние пятьдесят от Цуккера и за камер-юнкерство Михайлы при мне. Шестьдесят тысяч, которые ты подарил лично мне, тоже за границей.

Грешинцев. И завтра, с паспортом, я передам тебе еще сорок — к моим...

Ами. А эти — откуда?

Грешинцев. Разные скопились. По мелочам... За раскрытие дел, за прекращение дел... Тут же и наградные. За благополучный проезд „обожасмого“ с семейством...

Ами. Пора, Герман! Пора удирать... Ты найдешь себе дело и за границей... Года еще молодые, на плечах умная голова, знаешь три языка...

Грешинцев. Да... Не пропадем и там... А тут, правда, становится тревожно... Город говорит о твоём паше с большим раздражением. И о долгах без отдачи, и о взятках...

Ами. Пора!.. Ведь у нас уже четыреста тысяч. Это — деньги!..

Грешинцев. Нет. Если мы решим ликвидацию и отлетим перед отъездом, я получу еще сотню тысяченок. Сразу... Тогда, уезжая с одним дельцем рискнуть будет уже не странно...

Ами. Видишь?.. Полмиллиона!.. Уедем. И пусть она выходит замуж за Репьева, за Хохрева, едет на курсы, делает что хочет... Я даже думаю устроить конфликт умышленно. И чем скорее, тем лучше... Устала, Герман! Я очень устала... И постылые ласки этого старика...

Грешинцев. Не легко. Понимаю...

Ами. И редкие и тревожные встречи с тобой. Урывками. На мгновение. Когда хочется быть вместе вечно... Не расставаясьсь...

Грешинцев. Наверстаем. Ами!

Ами. И вообще это двусмысленное, оскорбительное положение... Право, когда я была не Ами, когда я была еще „Аи“ и беда в шантанах Варшавы и Вены. мое самолюбие страдало меньше... И ведь это длится уже целых три года... Устала!.. Устала...

Грешинцев. Аи... Ты сама только что подсчитала, что за эти три года мы заработали тут почти полмиллиона. Но разве такие деньги даются даром? И разве это не хороший подарок за наши временные лишения? И за терпение?..

Ами. Верно... Все верно... Но, повторяю, Герман, я устала... И, теперь, поработав, я хочу отдохнуть... Прежде всего, я хочу уехать из этой дикой, грязной, серой страны... Туда, где ярко светит солнце. И где оно греет... Где люди носят чистые воротнички и чистят ногти... Где они берут ванну не только по субботам... И я хочу жить. Жить свободно. Не зависеть от какой-то девчонки... Не ласкать старика... А главное, — быть всегда с тобой... С тобой, милая!..

Грешинцев. Потерпи чуть-чуть, — все будет хорошо...

Вириазев *показывает на дорожку, из темной глубины сада.*

Грешинцев. *(Во время замечия Вириазева, делая вид, что не заметил его и будто продолжая разговор.* Очень хорошо... Гораздо приятнее, чем в комнатах... Это очень старый сад... Чудный. Тенистый...

Ами. *(Добавившись и вставая).* А вот и генерал... *(Вириазев).* Полковник пришел следом за вами. Раньше, чем я успела позвонить... Как сумела, я заняла его до вашего прихода. А теперь — передаю его вам...

Грешинцев. Честь имею кланяться, ваше пр-во... Есть маленькое дельце. Но — срочное. И я не хотел откладывать до утра...

Вирязев. *(Входя по ступенькам на террасу).* Очень рад, друг мой... Садитесь, пожалуйста... *(Сидится к большому столу).*

Ами. Я могу уйти?

Вирязев. Конечно, mademoiselle... Конечно... Только, будьте добры, прикажите подать красного вина. Полковник любит бургонское.

Ами. Сейчас... *(Уходит в дом).*

Вирязев. Что случилось, Герман Романович?

Грешинцев. Сравнительно—пустяки, ваше пр-во... Ваше дело, быть может, серьезнее?

Вирязев. У меня все то же дело, полковник... Все то же. После вашего вчерашнего сообщения, оно не даст мне покоя... Дьябль!.. Подумайте, — из за этого ничтожного социалиста у меня могут быть крупные неприятности в министерстве... Медлить нельзя...

Грешинцев. Не следует, ваше пр-во...

Вирязев. Я предложу ему подать в отставку завтра же. А затем, общайте, друг мой, что немедленно примете меры и вы!.. Вышлите его...

Грешинцев. Моментально.

Арсений *входит на террасу из дома, с подносом, вином и стаканами, ставит все это на стол, наливает вино в стаканы и уходит.*

Вирязев. *(Пьет).* И завтра же я посылаю соответствующее донесение начальнице.

Грешинцев. *(Пьет).* Пусть только меня запросят. И последнее от отца, я вам ручаюсь, все удадут. Немедленно.

Вирязев. О!.. Мечтаю о том, чтобы отделаться от этой любви. Из-за этого англичанина!

Грешинцев. Почему—„англичанина“?

Вирязев. Как же?! Ежедневно он дает моей Лоле урок английского языка...

Грешинцев. Да, да, да... Я слышал...

Вирязев. И черт его знает, что он проведет ей во время этих уроков...

Леся приходит по дорожке из темной глубины сада, слышит последнюю фразу Вирязева, удивленная и очень заинтересованная, приоткрывая вытирает на мановение, но в то же мгновение резиз не подделывать, особенно терпеливо и покладывая, обхватит на ступенькам на террасу, заоробается с Грешинцевым, берет из вазы яблоко и ножик и, отойдя к перилам террасы, чистит яблоко и ест.

Грешинцев. Так вот, как и что произошло, вице пр-во..

Леся. Я вѣм не мешаю, папа?

Вирязев. Нет, друг мой. Нисколько.. Мы о скучных, служебных делах...

Грешинцев. Архирей собрался объезжать снархню...

Вирязев. Дело обычное. Подкормиться!..

Грешинцев. На этот раз, впервые, маршрут был составлен через деревню „Бугорок“... Становой пристав Никонов, с урядником, поехали передовыми—приготовить сто преосвященству путь. И вообще,—навести порядки..

Вирязев. Правильно... Как водятся...

Грешинцев. В „Бугорке“ деревенские ворота оказались шириною всего—сажень с четвертью...

Вирязев. А необходимо?

Грешинцев. Чтобы архиерейский рыдван и четверик могли проехать, — минимум полторы сажени...

Вирязев. (Попивая вино). Гм... Задача для станового..

Леся прислушивается к разговору внимательно.

Грешинцев. Ворота примыкали с одной стороны к общественному колодцу, а с другой—к забору избы крестьянина Пиволгина. Забор этот огораживал три яблони и крылечко избы.. И становой решил задачу просто.. Приказал вырубить эти три яблони, снести забор, а кетати и крылечко.. И получился проезд в две сажени...

Вирязев. (Улыбаясь и попивая вино). Чего проще!.. Никонов?.. Помнится, этот становой действует решительно. Метит прямо в исправники...

Грешищев. Хорошо-с... Иволгин подчинился и снес. И яблоки свои, и забор, и крылечко... Но крестьяне „Бугорка“ решили при проезде архиерея остановить его и пожаловаться...

Вирязев. *(Хмурясь)*. Ну-ну?.. Остановили?

Грешищев. Остановили. И пожаловались... И владыко, вместо того, чтобы сказать им два-три „теплых“ слова, пал тут-же сделать выговор провожавшему его становому...

Вирязев. Или, просто, выбросить муляжам четвертную на водку...

Грешищев. Именно... Обругал их. За то, что они беспокоят его по пустякам... Проезжая „Бугорок“, он дрсмал...

Вирязев. Узнаю!.. Узнаю нашего высокотактичного владыку... Ну-с? А они?..

Грешищев. Они, всей деревней, проводили его свистом и руганью. И бросали в карету палки и комки грязи...

Вирязев. Добился!.. Доезжал по епархии!..

Грешищев. И вот, сегодня, об этом происшествии ко мне поступило донесение архиерейского секретаря. Владыко просит начать дело. И покарать... Завтра о том-же донесет вам исправник. И я хотел-бы не разойтись с вами в резолюции... Как быть?..

Вирязев. *(Небольшая пауза)*. Мое мнение — истории начинать не стоит. Факт, сам по себе, слишком мелкий, а раздуют невероятно...

Грешищев. И по моему...

Вирязев. Предадим забвению... *(Идет вправо)*.

Леля. *(Выступает вперед внезапно, очевидно, даже для самой себя совершенно неожиданно)*. Забвению?.. Предать забвению такое дело?..

Грешищев *быстро поворачивается в сторону Лели и смотрит на нее, не спуская глаз, всю словоблудную сцену*.

Вирязев. *(Ошарашен)*. Леля!.. Что с тобой?.. Успокойся, друг мой...

Леля. Как я могу успокоиться?.. Как я могу спокойно есть это яблоко, когда вы рубите у крестьянина его яблоки только

для того, чтобы проехала архиерейская карета?.. Предать забвению!.. Факт слишком мелкий!.. Какой ужас!..

Виряев. Леля... Я тебя не узнаю... Леля!..

Леля. Не забвению, а суду надо предать такого станювого!.. И этого архиерея... Разве это архиерей?.. Мы целуем его руки! Он служит в церкви!.. Он представитель Христа!.. Пап!.. Что-же это?..

Виряев. Замолчи!.. Уйди отсюда...

Леля. И так вы служите народу?.. О, скоро народ „предает забвению“ вас самих...

Грешинцев *встает спохватно и медленно и еще раз взглянув на Лелю, переводит глаза на Виряева и смотрит в упор на него.*

Виряев. *(Вскакивает быстро и взволновано).* Ты с ума сошла?! Как ты говоришь?.. И что ты говоришь?.. *(Грешинцеву).* Вот, вам эти уроки английского языка!.. Извышите, другой... Пройдемте в кабинет... *(Быстро уходит в дом).*

Грешинцев *медленно уходит за ним.*

Леля *стоит задумавшись, глядя в темноту, в глубинку сада.*

Ами. *(Входит из дома на террасу, подходит к Леле, обнимает ее за талию и — заглянув в лицо).* Что с вами, Леля?.. Что случилось?..

Леля. *(Освобождая свою талию от руки Ами).* В том и ужас, что и это не „случилось“... Говорят, такова—„система“!.. Все это вечно. И течет, как река...

Ами. Что — вечно?.. Кто говорит? Какая „система“?.. Я ничего не понимаю... Но, я вижу, вы очень расстроены. Что с вами, деточка?

Леля. mademoiselle Ами! Забудете навсегда, что я деточка. К счастью, я больше не „деточка“... И потому говорите мне то, что вы думаете. А не то, что „надо“ говорить „деточке“. Или — ничего не говорите.. Довольно комедии и лжи!..

Ами. Леля!.. Да что с вами?!

Леля. Не знаю... Раз в жизни это бывает, вероятно, со всеми. Было и с вами... Приходит день, а быть может и — час,

когда над прошлым проводится черта. И наступает новая жизнь. И все—в новом освещении... Не знаю. Я еще не успела разобратся... Но, вы правы. Что-то со мной случилось...

Ами. Я вижу! Вижу. Но что-же? Что?..

Леля. И некоторое время вам придется часто задавать этот вопрос: „что с вами“?... И отец не узнал меня сейчас... Смотрел широко-открытыми глазами. И задавал тот же вопрос...

Ами. Папа?

Леля. Да. Отец.

Ами. Почему?..

Леля. Долго рассказывать. И, конечно, он расскажет вам сам... Все изменилось. Все... Вчера я упрашивала вас дать мне возможность выслушать „предложение“ этого пошляка. Хохрева. Вы были правы... Я так хотела его вышутить. А сегодня это мне... ни к чему...

Ами. Но, после предложения господина Реньева, это понятно...

Леля. Ошибаетесь... Реньев не делал мне „предложения“. Ни вчера, ни раньше... Когда. Вчера я резко остановила вас. И прошу извинения. Но я должна вам объяснить, что именно возмутило меня.

Ами. Пожалуйста...

Леля. Когда вы заставили меня с человеком, которого я выбрала сама и люблю, вы заговорили тоном возмущенной гувернантки. Наставницы. Но только что перед тем вы сами передали мне „предложение“ ничтожнейшего человека. И его слали...

Ами. Леля!.. Но я передала это предложение только в виде курьеза... смеясь...

Леля. Нет, *mademoiselle* Ами. Нет... Правда, робко, щадящая почву и, очевидно, считая меня глупее, чем я есть, но вы пытались соблазнить меня его миллионами.

Ами. Леля! Милая! За что вы меня оскорбляете? Как вы могли это подумать?!

Леля. Я это почувствовала. *mademoiselle* Ами. А в таких случаях я верю только себе...

Ами. Дело ваше... Но теперь и я хочу задать вам вопрос. И тоже—кстати...

Леля. Слушаю...

Ами. Только ответьте мне правду. Не стесняйтесь. Откровенно...

Леля. Обязательно...

Ами. Дело вашей гувернантки—художницы—хорошо-ли—она закончила. Когда вы кончили гимназию. И, если теперь, как компаньонка, я вам не симпатична, или, просто, не нужна, скажите прямо. И я уеду...

Леля. Тут мой голос не имеет значения...

Ами. То есть—как?

Леля. Я только ширма. Прежде всего, вы нужны и быть может, даже необходимы моему отцу.

Ами. Что вы такое говорите?!

Леля. Правду. О которой вы только что просили... Вы живете с моим отцом. И с ним, а не со мной вы должны решить вопрос о дальнейшем.

Ами. Опомнитесь, Елена Александровна!! Вы понимаете, что вы говорите? И как вы меня оскорбляете?!

Леля. Чем? Я не клевету. Я говорю то, что есть... И откровенно отвечаю на ваш вопрос.

Вирязев *входит из дома на террасу, взволнованный и раздраженный.*

Ами. Вы пришли очень кстати, Александр Петрович. И сама хотела идти к вам... за вами...

Вирязев. *(Поглядывая с тревогой на Ами и на Лелю).* Что случилось еще? Что?!

Ами. Елена Александровна только что объявила мне, что я—компаньонка, ей не нужна...

Вирязев. *(Леле).* Что такое?! Кто дал тебе право...

Ами. Позвольте. Это не все... Но я необходима вам. Как ваша любовница... А затем, избавьте меня от дальнейших оскорблений. Разрешите уйти в свою комнату... *(Быстро уходит в дом).*

Ви́рьзев. *(Пошатнувшись, грузно садится в кресло).* Что же это?.. Что я должен сделать с тобой после этих выходов? Что?!

Ле́ля. Сделать?.. Не знаю.

Ви́рьзев. Надежь на тебя смирительную рубанку?.. Лечить?.. Посадить в бумасшедший дом?..

Ле́ля. Но, если же Ами все-таки останется моей компаньонкой, ей придется сесть со мною...

Ви́рьзев. Как ты говоришь со мной?! Очевидно, я прав. Ты сошла с ума!..

Ле́ля. Нет!.. Я только вышла из детского возраста. И прозрела... И сразу увидела, что к сожалению, вы — мой отец!.. И она — не моя компаньонка, а ваша... И этот архисерей не архисерей, а ничтожный генерал в рясе... А ваш полицеймейстер не милый Петр Кирилович, который возил мне поразительные игрушки, а вор и взяточник. И ваш сообщник... И в этом мой ужас и мое отчаяние. И отсюда — моя злоба...

Ви́рьзев. Что это?! Откуда все это?!

Ле́ля. Подождите!.. Винавата в этом не я. Винаваты вы... Все вы... Зачем, воспитывая меня, вы не подготовили меня к этому ужасу постепенно? Как готовят других детей?.. Незаметно и я превратилась-бы в ничтожную тварь... А на меня вы свалили все это разом. Внезапно. И сейчас я едва справляюсь... С мыслями, со злобой, с ненавистью... *(Милитаци).* Что вы должны со мною „сделать“?.. Немедленно отправить на курсы. Чтобы и дальше я могла видеть... Видеть, а не спать с вами и около вас... В вашем болоте... Среди этой жи... грязи, произвола и... и воровства... Тут, действительно, я сойду с ума!..

Ви́рьзев. На курсы я тебя не пушу!..

Ле́ля. Пустите...

Ви́рьзев. Не пушу!..

Ле́ля. Я иду туда взрослым, зрелым человеком. И не пустить — нельзя...

Ви́рьзев. *(Вскочив).* Революция! Революция — в собственном доме... Пошмаешь-ли ты, как ты оскорбила эту несчастную девушку?!

Леля. Не я оскорбила ее. Вы и она оскорбили меня и... и память моей покойной матери...

Репьев *появляется из темной щелей сада, вбегает на террасу и здоровается с Лелей и Вирызевым.*

Леля. Алексей Николаевич. Я немного нездорова. И расстроена. И сегодня урок не пойдет мне на пользу... Простите, что я не успела предупредить...

Репьев. Пожалуйста... Пустяки...

Леля. Но завтра приходите непременно...

Репьев. Приду. Конечно...

Леля. В это же время... До свиданья. *(Уходит в дом).*

Репьев, *молча, кланяется Вирызеву и хочет идти.*

Вирызев. *(Стоит).* Господин Репьев. Мне необходимо сказать вам два слова.

Репьев. Я слушаю, ваше пр-во.

Вирызев. Предлагаю вам подать завтра в отставку...

Репьев. Причина?

Вирызев. Вам угодно ее знать?.. *(Садится).*

Репьев. Обязательно!.. *(Садится).*

Вирызев. Извольте... Я принял вас на службу, совершенно вас не зная... По рекомендации госпожи Спечинской...

Репьев. По моему, выше нет рекомендации...

Вирызев. Это по вашему!.. Она знала вас. Но она должна была знать и то, что чиновником при губернаторе быть может и не должен служить социалист... *(Пауза).* Видите?.. И сами вы не отрицаете, что по убеждениям вы социалист...

Репьев. Во всяком случае... не черпосотенед...

Вирызев. Социалист!.. И теперь, когда это стало известно и мне, ни одного дня я не могу терпеть вас на службе. А тем более при себе... Но, мало того, что вы подадите в отставку-с. Немедленно вы покините пределы моей губернии... При этом предупреждаю. Если вы не сделаете этого добровольно, вы будете высланы...

Репьев. В отставку я, конечно, подам. И—в очень близком будущем.

Вирызев. Завтра! Вы подадите в отставку завтра!..

Репьев. Нет. Не завтра, а когда найду нужным я.. И из пределов „вашей“ губернии я уеду. Но тоже когда пожелаю сам.

Вирязев. В таком случае, милостивый государь, завтра я удаю вас со службы по третьему пункту. В 24 минуты. И вышлю из губернии в двадцать четыре часа!..

Репьев. Нет. ваше пр-во. Вы этого не сделаете.

Вирязев. А-а!.. Вы воображаете, что вас зацунят шашни, которые вы осмелелись завести с моей дочерью? Опшнбаетесь!..

Репьев. „Шашни“!.. „Уста“ губернатора. А выражения замоскворецкого Гит Титыча... Постыдитесь! Вы говорите о своей дочери...

Вирязев. Я не нуждаюсь в ваших замечаниях!..

Репьев. Как и я—в ваших...

Вирязев. Довольно-с!.. *(Встает)*. Я получил определенные сведения о вас из Петербурга. И вышлю вас из вверенной мне губернии!..

Репьев. *(Встает)*. Не вышлете. Потому что я получил определенное сведение из Петербурга о том, что еврей Вульф Мордухович Цуккер не может проживать во вверенной вам губернии.

Картина. *Многие стоят и смотрят друг другу в глаза.*

Репьев. Ждите-же спокойно, пока я подам в отставку сам. И уеду из „вашей“ губернии... и помните. Вас не защитит даже и то, что я „осмыслился завести шашни с вашей дочерью“... *(Кланяется и идет к стульчикум террасы. На мгновение обернувшись)*. А ей скажите, что завтра я приду, дать следующий урок... *(Сходит в цветник и направляется в темную глубинку сада)*.

Вирязев. *(Стоит некоторое время молча, раздумывая)*. Не-да... Вот, когда у самого губернатора!.. „Положение хуже губернаторского“! *(Занимает медленно опускается)*.

Конец 3-го действия.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Декорация третьего действия.

Лето. Погожий солнечный день. Четыре часа.

На обеденном столе, накрытом скатертью, самовар, кофейник, миска с шоколадом, вина, прохладительные напитки, фрукты, торты, конфеты и посуда.

За этим столом и за маленькими столиками, на террасе и в цветнике, сидят, едят и пьют, разговаривая: Вириязев, Ами, Леля, Удадьцов, Удадьцова, Грешицев, Спешинская, Репьев, граф Стебницкий и кое-кто из бессловесных гостей, бывших на пикнике во втором действии. Хозяйничает за большим столом экономка, а подают все и разносят гостям: Арсений и две горничные.

Кипарисов. (Входит из дома на террасу, ищет глазами Вириязева и, на ходу кланяясь знакомым, торопливо поспешит к нему). Имею честь поздравить ваше пр-во! С дорогой новорожденной... И вам, и ей желаю здоровья. И счастья!

Вириязев. Благодарю вас, батюшка...

Кипарисов. Знал дитятей!.. А ныне подумать надо! — восемнадцать лет! Невеста!.. (Вполголоса). Воспользуюсь сим случаем. Выполню поручение вашего пр-ва... Поговорю... О курсах...

Вириязев. (Тонже вполголоса). Поговорите, батюшка... Только я уже не думаю, чтобы вам удалось ее уговорить...

Кипарисов. Будем уповать, ваше пр-во... И, с Божьей помощью, — попытаемся... (Ищет глазами Лелю). А где же виновница торжества?.. Вот... Узрел... И покину вас, ваше пр-во... А затем подойду. С докладом. (Подходит к Леле). Имею честь поздравить вас, Елена Александровна... И от всего моего сердца пожелаю и вам, и многочтимому родителю вашему здоровья. И счастья. На многая лета...

Леля. Спасибо, батюшка И за то, что приехали — спасибо.

Кипарисов. Помилуйте! как-же бы я, да вдруг и—не приехал? Был вашим законоучителем, состою духовником... И горжусь. Горжусь этим...

Леля. Чем-же. батюшка? Таких учениц и духовных детей у вас сотни...

Кипарисов. Как можно, Елена Александровна? То—именно сотни. А ры—одни. Единственные... вы дочь первейшего лица в губернии. Сановника... Горжусь... горжусь...

Леля. Это, батюшка, не моя заслуга...

Кипарисов. Имеются и свои. И в изобилии... Да... Взрослая барышня... Невеста... И теперь, своевременно, я желал бы и повенчать вас... С достойным человеком...

Леля. Вряд ли это случится здесь...

Кипарисов. А почему? Или думаете уехать куда?..

Леля. Да.. Придется.. Осенью...

Кипарисов. Куда-же?

Леля. В Петербург.

Кипарисов. Одни?

Леля. Одна. Вы сами сказали, что я уже не маленькая...

Кипарисов. Не маленькие. Но очень, очень молоденькие... Что-же? Погостить собираетесь?.. К кому-либо из родственников?

Леля. Нет. Учиться. На высшие курсы...

Кипарисов. О о!.. Этого я не ожидал...

Леля. Почему?

Кипарисов. Не одобряю я этих женских курсов...

Леля. А этого не ожидала я... Сами вы учитель,—и против учения?..

Кипарисов. Глядя потому, какое учение, Елена Александровна. По-моему, окончив гимназию, и с медалью!—в этом смысле вы дело завершили.. Выучились. Всему, что требуется.. А на этих зловредных курсах уже не учение, а политика.. Пагубная политика...

Леля. Я не отрекалась и от политики... Быть может, займусь и ею. Если она увлечет.. Я только вступаю в жизнь. И, право, еще не знаю—на что отдам ее.

Кипарисов. Только,—не на это. Не на политику... Не на бунтарство. Храни вас Господь... Подумайте! Прежде всего, этим вы обидите своего родителя... Больно обидите достойнейшего человека.

Леля. Батюшка. А вам известно, что мой родитель — уже очень больно обидел меня?

Кипарисов. *(Шепчется. И — теряясь)*. Сразу не могу и сообразить что вам ответить!..

Леля. В том-то и дело, батюшка!

Кипарисов. Поражен вашим ответом... И удручен...

Леля. И, если теперь, на курсах, кроме учения, я займусь и политикой, не он ли сам мой отец и наш губернатор натолкнул меня на нее?.. И — на „бунтарство“?.. Подумайте... Выпейте вина за мое здоровье и скушайте чего-нибудь...

Кипарисов. За это благодарю... Выпью... И полакомлюсь...

Леля. И сегодня мы еще вернемся к этим вопросам. Только, обещайте мне, что не уедете, не простились со мною.

Кипарисов. *(Нерешительно)*. Обещаю...

Леля. Спасибо... Пойдемте к столу... *(Входят по ступенькам на террасу)*.

Кипарисов, на ходу, здоровается с Ани и усаживает ее за обеденный стол.

Леля. *(Отдает жонке приказание цесовить Кипарисова, сама наливает ему вина и сподит с террасы в цветник, направляясь к другим гостям. Встретив Репьева, задерживается около него и — вполголоса)*. Приехал... Пусть пьет и выпьет, и я скажу.

Репьев. Да. Пока не разъехались...

Леля. Немного страшно...

Репьев. Страшно?

Леля. И страшно, и весело... Как, во время купанья, — холодная вода...

Репьев. А ты и тут сразу... Бух,—и конечно! Помни главное. Твой отец, как и все „светские“ люди, больше всего боится скандала. И, чтобы его избежать, согласишься на все.

Молча. Без протеста. Да вот, увидишь... А трюсяшь,—поручи мне...

Леля. Нет, нет!.. Я сама... Только не уходи далеко: И подойди к нам во-время...

Репьев. Будь покойна!.. Не прозеваю... *(Разговаривает в разные стороны)*.

Грешинцев. *(Подходит к Ами)*. Ами... Я жду телефона два дня... Что это значит?..

Ами. Невозможно позвонить... И он, и она все время дома... И я, благодаря последней истории, не выхожу из своей комнаты...

Грешинцев. День отъезда еще не решила?

Ами. Готовлюсь... Во всяком случае—на-днях...

Грешинцев. И с ним еще не говорила?..

Ами. Не выхожу сама и не допускаю к себе его... Допущу накануне отъезда. Чтобы не слушать лишних жалоб. И старческого нытья...

Грешинцев. Правильно... А нам необходимо решить и выяснить массу вопросов...

Ами. Знаю...

Грешинцев. Где мы встретимся за-границей?.. Когда?.. Куда тебе телеграфировать? На чье имя? Наконец—самый шифр условных депеш...

Ами. Да, да... Все это надо решить...

Грешинцев. Приходи-же... или—позвони...

Ами. Непременно... Вероятно—завтра...

Удальцова *подходит к ним*.

Грешинцев. Благодарю вас, m-lle Ами... Ел, пил и совершенно сыт... Ореховый торт—поразительный!..

Ами. Попробуйте земляничный... Еще вкуснее.

Грешинцев. Попробую и земляничный... *(Отходит и садится за маленький столик, за которым сидит в одиночестве граф Стебницкий)*.

Удальцова. *(Ами)*. Взгляните-ка мадамзель... Который час?

Ами. *(Взглянув на часы)*. Пять...

Удальцова. Сию минуту придет...

Ами. Кто?

Удальцова. Жених... Сказал ровно в пять... Невесте-то вы сказали, что — сегодня?

Ами. *(Рассеянно)*. Да, да... Сказала...

Удальцова. А она — что?

Ами. Ждет...

Удальцова. И генералу сказали? О нашем деле?..

Ами. Сказала... Да...

Удальцова. И про Пуховские деньги сказали?

Ами. Сказала...

Удальцова. Ну, и он что?.. Генерал?

Ами. Рад... И говорит, что постарается уговорить дочь...

Удальцова. Какое бы это дело вышло великодушное! И все были бы довольны... Вам Михайло назначил за труды 50 тысяч. А на память — брошку. С бриллиантами.

Ами. Да, теперь вопрос только в том, — согласится ли она...

Удальцова. Простите меня, душой надо быть, чтобы на такой брак не согласиться! Такой жених на целую губернию один. Да не в каждой губернии и один-то сыщется...

Ами. Вот, поговорит с нею сам, тогда узнаем...

Хохрев-сын появляется на террасе из дома, во фраке, завитой, с непомерно большим букетом в руках. Остановившись на террасе, ищет глазами Гелю.

Удальцова. Приехал! Глядите-ка!.. Букетище-то! Цельный куст!.. Ну, да с его миллионами, я бы и не так еще накопила!.. И — обратите внимание! Всем кавалерам носы поутер — все без фраков, а он во фраках!.. Молодец!

Стебницкий. *(Грешищеви)*. Посмотрите, полковник! Михайло выкосил все тятенькины оранжереи... И — во фраке! Днем, до захода солнца — во фраке!.. О, дикари, дикари!..

Хохрев-сын, отыскав глазами Гелю, направляется к ней победоносно и торжественно.

Удальцова. *(Ами)*. Пошел! Пошел!.. Что значат миллионы! И дурак, а каким козырем выглядит... Ну, святые Гурий, Самсон и Авив, молитесь Бога о нас!..

А ми. Это что же за господа?

Удальцова. Это не господа, а святые... Они у нас по бракам и по семейному счастью первейшие...

Хохрев-сын. *(Подойдя к Леле).* Честь имею... Фелисит'!.. И вот. *(Подает букет).*

Леля. Благодарю вас... Какой огромный букет...

Хохрев-сын. Да-с... Не пожалел-с... И для вас не пожалею ничего и впредь!..

Леля. Какой вы... милый...

Хохрев-сын. Милый?.. Вот, за это—мирси! И в таком разе разрешите вам тут-же объяснить, что и вы для меня действительно милее всех... Даже можно сказать, что вы та самая избранная мною девица, на которой я только и согласен жениться. Потому, буду говорить прямо—амурё!.. И вот, что я вам скажу в придачу... Ежели вы согласитесь нас озолочу, все долги вашего папашеньки заплачу и ничего не пожалею, чтобы продраться сперва в вице-губернаторы, а потом и в губернаторы...

Леля. И вы думаете удастся?

Хохрев-сын. Чего это?..

Леля. Пробраться в губернаторы?

Хохрев-сын. С деньжищами-то?... Сан-дуг!

Леля. Ну-ну... Валяйте!

Хохрев-сын. Так как-же?

Леля. Чего это?

Хохрев-сын. Согласны?

Леля. Это—в супружницы?

Хохрев-сын. Ну, да!.. И в губернаторши...

Леля. Вот, что... *(Передавая ему букет).* Отдайте кому-нибудь букет, чтобы его поставили в воду. А сами выйдите вина. Или шоколаду. И не уезжайте. Вы услышите мой ответ через полчаса...

Хохрев-сын. Да ну?.. Этак я люблю... Этак я люблю... А ля минюг—готово! Пойду сяду за паратный стол, рядом с батской Кипарисовым и буду ждать... Требьян!..

Леля. *(Поддельваясь под его выговор)*. Парфетман!.. *(Нервничает к Спечинской и садится около нее)*.

Хохрев-сын *подходит к Вирязеву, здоровается с ним, затем передает букет одной из горничных, садится рядом с Кипарисовым, наливает себе вина и пьет*.

Удальцова. *(Али)*. Договорились!.. Ей-Богу, они договорились... Не могу больше ждать... Пойду узнаю... *(Идет на террасу, садится рядом с Хохревым-сыном и живомерно говорит с ним)*.

Хохрев-сын, *видимо рассказывает ей, что дело конечно благополучно. Удальцова очень рада*.

Леля. *(Спечинской)*. Тетя Катя. Я начну. А то станут развезжаться...

Спечинская. Решила, так и — с Богом...

Леля. Не могу выразить — что я переживаю... И счастлива я, и тревожно...

Спечинская. Не мудрено. Начинаешь жить... И решаешь серьезный вопрос. А в жизни девушки, пожалуй, и — самый серьезный...

Леля. Но и — весело... Весело будет видеть растерянные лица этих людей. Обычно они не теряются. А сейчас будут смотреть друг на друга, как испуганные бараны. А на меня, как коровы — на новые ворота... И не будут знать, что говорить, что делать... Весело!..

Спечинская. Во всяком случае, это будет не обычно...

Леля. А все он придумал: Алеша.

Спечинская. Скромничасшь... Вместе придумали...

Леля. Кончим со всеми „вопросами“ сразу и навсегда... Но, все-таки, если-бы не вы за меня, около меня и со мной, я бы не решилась. А теперь я знаю, что дурного не делаю...

Спечинская. Не делаешь... Строишь собственную жизнь. И имеешь на это полное право. Особенно этот вопрос никто не властен решать за тебя. Никто. Потому что никто не может ответить тебе за последствия того, или иного решения...

Леля. Верно... Решено... Позовите Алешу... Чтобы он был около нас...

Спечинская. Алеша!. На минутку...

Реньев *быстро подходит к Спечинской и говорит с ней вполголоса.*

Леля. *(Встает и громко Кипарисову).* Батюшка!

Кипарисов *встает испуганным.*

Все сразу прекращает разговоры и смотрит на Лелю.

Хохрев-сын *встает и прислушивается.*

Леля. *(Кипарисову).* Вы только что сказали мне, что вы мой законоучитель и духовник—хотели бы со временем и повенчать меня...

Кипарисов. Да... Желал бы... Со временем... *(Трусливо и растерянно поглядывая на Виризева, не понимая в чем дело и выжидая дальнейшего, сходит с террасы в цветник и подходит к Леле).*

Хохрев-сын, *гордо и самоуверенно оглядывая всех, идет за Кипарисовым и останавливается около Лели.*

Все прислушиваются внимательно.

Удальцова *особенно.*

Виризев, *тоже не понимая в чем дело, смотрит на Лелю с тревогой.*

Леля. Вряд-ли это удастся, батюшка. Венчаться я буду не здесь. Но, желая доставить удовольствие и вам, и себе, прошу вас благословить мой будущий брак теперь же... *(Берет за руку Реньева).* Кроме Алексея Николаевича я никому не обещала. И иду за него без принуждения. По собственному желанию...

Реньев. *(Говорит с легкой улыбкой до конца всей сцены).* И я никому не обещал. И женюсь по своему желанию.

Хохрев-сын *отодвигается в сторону с великим разочарованием и очевидным раздражением.*

Удальцова *смотрит растерянно.*

Кипарисов. *(Поглядывая на Виризева).* И... и всеконечно—с согласия и с разрешения родителей?..

Леля. Конечно, батюшка! Мой отец здесь...

Репьев. А я сирота!..

Вириазев. Н-да... Леля говорила мне... И я... я рад...
В этом деле—главное ее выбор... А я.. я рад...

Леля. Видите, батюшка:—папа рад... А вместо покойной матери меня благословит моя дорогая тетя Катя... *(Обнимает и целует Спечинскую)*.

Респьев. И меня, сироту, благословит тетя Катя. *(Целует руку Спечинской)*.

Спечинская *жестом приглашает Вириазева подойти.*

Вириазев *подходит, и они благословляют Лелю и Репьева.*

Кипарисов *тоже благословляет их.*

Стебницкий. *(Грешницеву)*. Полковник, это совсем новый брак... Э?... Церковно-гражданский?..

Грешницев. Да... Такую комедию я вижу впервые.

Стебницкий. Но, *au fond*, это премило... Оказывается, и в провинция бывает иногда весело... Ну-с... Сделаем подобающие лица и пойдем поздравлять жениха и невесту. И обрадованного родителя...

Грешницев. Н-да... Его лицо определенно радостное... *(Идут поздравлять)*.

Ами и все гости, *столпившись вокруг Лели, Репьева и Вириазева, поздравляют их.*

Леля. м-не Ами. Папа так рад, что забыл обязанности хозяина. Распорядитесь пожалуйста, чтобы подали шампанского..

Ами. *(Идет на террасу и, проговоря около Грешницева,— ему)*. Не уезжайте, не поговорив со мной... Есть маленьке дельце... *(Входит на террасу и, позвонив и выждав прихода Арсения, отдает ему приказание)*.

Леля. Но это не все, батюшка...

Все *смолкают и снова прислушиваются.*

Леля. Я хочу просить вашего благословения еще на одно дело. Не менее для меня важное...

Кипарисов. Отрадно... Отрадно... И умилительно...

Леля. Я хочу поступить на высшие курсы... И так как вы мой законучитель, хочу, чтобы и на дальнейшее учение благословили меня именно вы... Помню, в гимназии часто вы

говорили нам: „ученье — свет, неученье — тьма“... Боюсь тьмы и хочу света...

Кипарисов. *(Поглядывая на Виразева)*. Если ваш стопочтеннейший родитель ничего не имеет и против этого шага...

Рельев. Нет, позвольте, батюшка! Я уверен, что его пр-во ничего не имеет и против этого шага. Но, по существующим правилам, для поступления на курсы родители дают разрешение только девице. А замужней — муж... И я разрешаю...

Кипарисов. Но пока вы еще не супруг...

Леля. Я поступлю на курсы в октябре. А повенчаемся мы в сентябре...

Рельев. И я... разрешаю...

Кипарисов. *(Еще раз взглянув на Виразева)*. А в таком разе благословляю и я... Благое дело, благое... Да! — Ученье — свет, а неученье тьма... И, конечно, чем больше ученья, тем больше света...

Арсений и две горничные принимают шампанское и подают хозяевам и гостям.

Стебницкий. *(Грешнице)*. Тэк! Тэк! Тэк!.. Она хочет одновременно и учиться и выйти замуж... А мне казалось, что это несовместимо... Что-же... Пойдемте поздравлять и с этим... *(Идут)*.

Все поздравляя Лелю, Рельева и Виразева, чокаются и пьют. Затем многие из гостей уезжают. Оставшиеся, разговаривая, возвращаются на свои места.

Леля, Рельев и Спечинская, оживленно разговаривая, идут в глубину сада.

Хохрев-сын. *(Подходя к Удальцовой)*. А вы, „тетенька“, не сваха, а фефела... Комири?! И, заместо серег с бриллиантами, получите кукиш с маслом... Загнул бы его перед вашим носом сейчас, да — не ком-иль-фо. А в кармане держу... Считайте за фирмой „Хохрев и сын“... Фефела!.. *(Уходит на террасу и в дом)*.

Удальцова. *(Ему вслед)*. Хам!.. *(Подходит к Виразеву)*. Что-ж это получилось, ваше пр-во?.. Как-же теперь?..

Вириазев. *(Раздраженно)*. Что — получилось?.. Что теперь?..

Удальцова. Через три месяца не огдадите,—Пухов ждать не станет.. Ни одного дня...

Вириазев. Неужели вы думаете, что я не знаю, что это деньги не Пухова, а ваши?..

Удальцова. Да что вы ваше пр-во! Все мои деньги мой благовер...

Вириазев. *(Неробивая)*. И даже не ваши, а полицеймейстера.. И даже не его, а о-бы-вательские.. Поняли?.. И завтра, сударыня, я поговорю об этом деле не с вами, а с ним... Поняли?.. С моим полицеймейстером!..

Удальцова. *(Растерянно и испуганно)*. Ваше пр-во!..

Вириазев. Довольно-с!.. *(Повернувшись к Удальцовой спиной)*. М-ше Ами!.. На минутку...

Удальцова *идет к террасе, садится к большому столу и ест торт.*

Ами *подходит к Вириазеву.*

Вириазев. Я счастлив, Ами... Счастлив! Теперь немедленно начинаю ликвидацию всего, прошусь в сенаторы... и в Париж... С тобою!..

Ами. Кажется поздно... *(Быстро повернувшись уходит в сад)*.

Вириазев *смущен и взволнован. Рассеянно разговаривает с гостями, которые подходят к нему прощаться.*

Кипарисов. *(Подходит к Удальцовой)*. Улыбнулась моя награда! Теперь не попадет и в его список... Грустно!..

Удальцов. Тут, батя, не только твоей наградой пахнет... Не могу сразу разобраться, но чутье говорит — что-то стряслось... Смотри—как сваяли. И наша и Амишка...

Кипарисов. Натворила делов дрянная девченка!.. В какое положение поставила и меня и родителя?!

Удальцов. Дело не в девченке... Серьезнее... Трупным запахло... Посмотри: жандарм уставился на него как удав. Видно—слопать хочет... И слопает... А он чего-то растерялся... А растерялся человек, струсил.—погиб... Уж это верно...

Кипарисов. Плохо дело!.. И повернись бьют, и не довернись бьют...

Удальцов. Выход есть, батя...

Кипарисов. Какой?!

Удальцов. Не вертись. — не будешь и бит...

Кипарисов. Сейчас не стану и подходить к нему. Проберусь незаметно к выходу, и на утек...

Удальцов. Нет, я пойду. Жандарм его еще не слонал, и пока он все еще — губернатор...

Кипарисов. А досадно... И булочку не досл с цукатом... И вино не допил... *(Ни с кем не простившись и с сожалением поглядывая на стол, уходит через террасу в дом).*

Удальцов. *(Подходит к Вирызеву и клянется).* Ваше пр-во! Разрешите вас поблагодарить, И откланяться... Не будет-ли приказаний?

Вирызев. *(Очень сухо).* Прошу вас, полковник, приехать завтра не в 11 часов, а в 10.

Удальцов. Слушаю, ваше пр-во...

Вирызев. Есть дело. И не служебное, а частное. При том очень неприятно. И для меня, и для вас...

Удальцов. *(Насторожившись).* Слушаю, ваше пр-во...

Вирызев. И, если вы желаете к нему подготовиться, рекомендую до свидания со мною, побеседовать с вашей супругой. И с ее родственником, купцом Пуховым... Вы меня поняли?..

Удальцов. Так точно, ваше пр-во... Понял.

Вирызев. *(Подавая два пальца).* До-свиданья...

Удальцов. *(Кланяясь особенно низко).* Честь имею кланяться, ваше пр-во... *(Отходит и, нервничая, ищет глазами жену).*

Грешнищев заметив, что Вирызев один, направляется к нему.

Удальцов. *(Увидя жену на террасе, подходит к ней).* Дура, дура и трижды дура!.. Что ты такое натворила?.. Что?!. Домой!.. И там нажрешься, если тут еще не облопалась... О рыбная хавка!.. *(Быстро уходит в дом).*

Удальцова, держа кусок торта, уходит за ним.

Грешищев. (Подойдя к Вирязову, садится рядом с ним).
Ваше пр-во... Все это сюрприз и для вас?

Ами, как только Вирязов и Грешищев сошлись, появляется в саду, за деревьями, и следит за ними.

Вирязов. Сюрприз, полковник!.. Такой сюрприз, что я едва стою. Родная дочь решила вогнать меня в могилу раньше времени... Революция!.. Революция в собственном доме!..

Грешищев. Притом в губернаторском доме, ваше пр-во!..

Вирязов. Ужасно!.. Ужасно!..

Грешищев. И я не знаю, как вы выйдете из создавшегося положения... Вы собирались удалить его со службы еще третьего дня...

Вирязов. Ну, да... Но в тот самый вечер, после вашего ухода, я узнал об этой любви...

Грешищев. И донесения о начальнице вы тоже не изволили послать?..

Вирязов. Но, вы видите сами, я причинил-бы этим дочери огромное горе...

Грешищев. Для нас, людей долга, дела государственные раньше семейных и личных дел... (Вставая). И не посетуйте, что отныне по данному делу я буду действовать уже независимо от вас...

Ами, отбегается от дерева и медленно приближается к Грешищеву и Вирязову.

Вирязов. (Вставая). Но, мне кажется, полковник, мы можем, все-таки, сговориться...

Грешищев. (Кланяясь и протягивая руку). Не думаю, ваше пр-во...

Ами. (Быстро подбегает). Вы уезжаете, полковник?..

Грешищев. (Кланяясь ей). Да... Мое почтение...

Ами. Извините, я вас задержу... Ненадолго... (Сидит).
Присядьте, пожалуйста... (Указывает место рядом с собой).

Грешищев садится.

Ами. А вы, генерал.—с этой стороны...

Вириазев *садится*.

Ами. Долго говорить некогда... И я прошу внимания...

Вириазев. (*Тревожно*). Что случилось, м-еце Ами?

Ами. Завтра, с первым парходом я уезжаю. В Петербург. А оттуда через два дня за границу.. Навсегда. Полковник уже выдал мне заграничный паспорт и проездной билет. Как агенту своего ведомства.. И потому я проеду беспрепятственно и с полным комфортом...

Вириазев и Грешищев, *каждый по своему, слопряи на Ами удивленно, широко открытыми глазами*.

Ами. Деньги, которые оба вы получали—каждый из вас знает сам—от кого и за что—и передавали мне для хранения, или в подарок, останутся у меня. Все. И навсегда. Ровно полмиллиона. И поровну: 250 тысяч ваших и 250 тысяч ваших.. Эти деньги я беру себе в награду за все то, что вы оба заставляли меня делать. Заставляли—да!.. Я—заезжая шансонетная певчиха, а вы—здешние цари и боги... Заставляли.. И за то еще, что я жила с вами.. И с тем, и с другим..

Вириазев. (*Отчаянно*). Ами!..

Грешищев. (*Повелительно*). Аи!..

Ами. Вот-вот!.. Я и получила их и как Ами, и как Аи.. (*Вынимая из кармана два конверта*). Вот, два письма.. (*Передавая ил.*). Это—вам. А это—вам... Вам, генерал, я нишу все, что знаю о полковнике, а вам, полковник, все, что мне известно о генерале... И вы убедитесь, что мне известно все. И о вас, и о вас...

Вириазев. Ами!.. Такая неблагодарность!.. Такое коварство!.. Ами!..

Ами. Бросьте! Вы не юноша. И я не девочка...

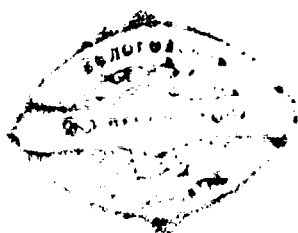
Грешищев. Я вас немедленно арестую, сударыня!

Ами. Нет... И вот—почему. Третье письмо, и о вас, и о вас адресовано министру внутренних дел и шефу жандармов. И отправлено в Петербург, верному человеку. С тем, что, если я не приеду в Петербург послезавтра, к вечеру, на утро оно будет доставлено по адресу. Поняли? Озаботьтесь-же оба,

чтобы я приехала благополучно. И во-время... И имейте в виду, что это третье письмо будет мне возвращено только когда я буду уже в полной безопасности—за границей... *(Вставая)*. А затем—мой привет!. *(Делает, словно со сцены, шаловливо-прощальный жест рукой, убегает на террасу, пьет за лбом стопку шампанского, лихо бросает стопку с террасы в цветник и разбивает ее, и уходит в дом)*.

Виразев и Грешищев смотрят друг на друга. И, после продолжительной мимической игры, молча-же, обмениваются нераспечатанными конвертами. Занавес медленно опускается.

№. 53 Ф.

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГДСКАГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
г. ВОЛОГДА
1992 г.